

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

1818—1831.

I.

Тщательные наблюдатели за ходомъ дѣлъ человѣческихъ могутъ, до извѣстной степени, предвидѣть будущее даннаго государства, даннаго народа на болѣе или менѣе далеко предстоящее время. Въ сочиненіяхъ политическихъ мыслителей есть не мало примѣровъ, сбывшихся со временемъ предвидѣній этого, такъ-сказать, двойнаго зрѣнія (*double views*).

Относительно Россіи хотя вмѣлисъ также предсказанія иностранныхъ политическихъ писателей, согласныя въ томъ, что ей предстоитъ великая будущность, но предвидѣнія эти были вообще неопредѣленны, и никто въ своихъ предположеніяхъ не посмѣлъ пойти такъ далеко и особенно такъ быстро, какъ въ нашихъ глазахъ пошла сама дѣйствительность. Уже начиная съ полутора назадъ тому вѣка, поговорка: «рости не по днямъ, а по часамъ» какъ нельзя лучше примѣняется къ Россіи.

Тѣмъ, которымъ въ настоящее время не минуло еще 60-ти лѣтъ, то есть такимъ, которые не могутъ помнить того, что было тому 50—55 лѣтъ назадъ, вѣрный рассказъ какого-нибудь болѣе усложненнаго эпизода изъ прошедшаго можетъ легко показаться фантастической сказкою à la Hoffmann.

Это вступленіе я счелъ необходимымъ предпослать тому, что намеренъ писать, дабы предупредить читателя, что какъ бы рассказъ мой ни казался неправдоподобнымъ, онъ, однако-жъ,

строго правдивъ. Къ этому случаю идетъ какъ нельзя лучше изрѣченіе: «le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable». Впрочемъ, приводимыя мною замѣчательнѣйшія данныя не что иное, какъ историческіе факты и легко могутъ быть провѣрены офіціальными источниками, находящимися въ подлинныхъ дѣлахъ. Я начну съ процесса, для котораго я прибылъ, въ 1822 г., въ Петербургъ, и опишу его подробно, такъ какъ подробности эти представляютъ характеристику времени.

II.

По окончаніи курса наукъ въ Виленскомъ университетѣ, возвратясь въ мой родной Слонимскій уѣздъ, въ деревню, состоявшую въ пожизненномъ владѣніи нашей матери, я опредѣлился, въ 1818 году, въ должность писмоводителя при уѣздномъ предводителѣ дворянства, моемъ родственникѣ Броньскомъ и пробылъ въ ней болѣе трехъ лѣтъ. Замѣчательнымъ событіемъ этого времени было мое соприкосновеніе съ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ царствованія Александра I—Н. Н. Новосильцовымъ, тогда императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ, созданнаго въ 1815 г., Царства Польскаго. Онъ часто и по нѣскольку мѣсяцевъ жилъ въ Слонимѣ, такъ какъ городъ этотъ со многими деревнями и фермами, составлявшими такъ-называемую слонимскую экономію, былъ ему пожалованъ въ 12-ти-лѣтнее владѣніе. Подробности этого пребыванія знаменитой исторической личности на отдыхѣ въ провинціальномъ городкѣ, разсказаны въ I-й главѣ моего Калейдоскопа воспоминаній, помѣщенной въ «Р. А.» 1872 г.

Въ маѣ 1822 года случилось обстоятельство, заставившее меня выйти въ отставку. Это было извѣстіе, полученное моимъ дядею Фердинандомъ Броньскимъ, о производящемся въ Петербургѣ дѣлѣ, угрожавшемъ ему лишеніемъ всего состоянія, довольно значительнаго. Дѣло это было такого рода, что въ настоящее время, при теперешнихъ понятіяхъ о правѣ и законности, ничего подобнаго не могло бы даже возникнуть; но тогда самое невозможное, въ данныхъ обстоятельствахъ, дѣлалось возможнымъ. Вотъ въ чемъ оно заключалось:

Дядя мой кончилъ курсъ ученія очень молодымъ и, тотчасъ по его выходѣ изъ университета, отецъ его, бывший уже въ пре-

клонныхъ лѣтахъ, отдалъ ему въ полную собственность всѣ свои имѣнія, находившіяся въ Гродненской и Виленской губерніяхъ, назначивъ только себѣ небольшую пенсію, съ которою и переселился на жительство въ Вильну. Молодой помѣщикъ занялся тотчасъ приготовленіями къ осуществленію своего пламеннаго желанія—путешествовать по Европѣ. Приискавъ хорошаго управляющаго для своихъ имѣній, онъ уже получилъ паспортъ, когда, почти наканунѣ отъѣзда, прибылъ изъ другой губерніи помѣщикъ П., старый знакомый и пріятель отца. Разказавъ, что онъ намѣренъ предпринять очень выгодный подрядъ на поставку провіанта для войскъ и что для этого онъ уже представилъ въ залогъ собственное имѣніе, онъ просилъ моего дядю вѣрить ему съ тою же цѣлью и его, только что полученное отъ отца, имѣніе. Въ то время никто у насъ, а болѣе всѣхъ молодой Б., не имѣлъ понятія о томъ, что такое подрядъ, и что такое залогъ. П. этимъ воспользовался, представивъ предметъ своей просьбы, какъ простую формальность, какъ дружескую услугу, не могущую имѣть никакихъ послѣдствій, и даже не предложилъ дядѣ никакого вознагражденія, котораго, впрочемъ, тотъ бы и не принялъ. Фердинандъ Бронскій повѣрилъ всему, подписалъ все, что ему было подано, и на другой же день отправился въ свой вояжъ. Только по возвращеніи, года черезъ полтора, онъ узналъ, что по данному залогу угрожаетъ ему взысканіе. Полученное о томъ свѣдѣніе было очень неопредѣленное и не заключало въ себѣ никакихъ подробностей.

Въ описываемое время Петербургъ, высшія правительственныя и судебныя учрежденія были для Литвы вообще неизвѣстною страной; въ нашемъ же уѣздѣ въ особенности никто не имѣлъ о нихъ никакого понятія. При томъ же изъ лицъ, которымъ можно бы было довѣрить такое важное дѣло, никто не зналъ ни слова по-русски. Въ этомъ отношеніи одинъ я составлялъ исключеніе, но какое исключеніе! Я едва могъ претендовать на званіе самоучки-дилетанта по русскому языку. Мнѣ когда-то попало въ руки нѣсколько русскихъ книгъ; это были переводы съ французскаго, переводы Карамзина. Русскій языкъ мнѣ всегда нравился своею метрическою звучностью. Я прочиталъ эти книги и еще нѣсколько нумеровъ какого-то стараго московскаго журнала и это былъ весь объемъ моего знанія. Къ

тому же, по должности письмоводителя, мнѣ приходилось писать довольно бумагъ по сношеніямъ съ начальствами войскъ, квартировавшихъ въ уѣздѣ. Вотъ почему дядя обратился ко мнѣ съ просьбою ѣхать въ столицу, спасти его отъ раззоренія. При моей неопытности въ подобныхъ дѣлахъ и даже при неизвѣстности въ чемъ состояла опасность, я не рѣшался принять на себя такую отвѣтственность. Тогда дядя обратился къ моей матушкѣ, своей двоюродной сестрѣ, и она приказала мнѣ бросить службу и, принявъ довѣренность отъ дяди, немедленно ѣхать въ Петербургъ. Для меня это приказаніе не допускало никакихъ отговорокъ; скрѣпя сердце я тотчасъ занялся приготовленіями къ отъѣзду.

У меня въ столицѣ не было знакомыхъ; единственная личность, къ которой я могъ смѣло обратиться, это былъ членъ государственнаго совѣта Василій Сергѣевичъ Ланской, бывшій нѣкогда гродненскимъ губернаторомъ и подружившійся на этомъ посту съ покойнымъ моимъ отцемъ, съ бывшимъ моимъ опекуномъ Пусловскимъ и съ его шуриномъ княземъ Друцкимъ-Любецкимъ. Кромѣ того, я обратился къ бывшему тогда въ Слонимѣ Н. Н. Новосильцеву и онъ далъ мнѣ два рекомендательныхъ письма, одно—къ занимавшему при высоч—мъ дворѣ высокое положеніе А., другое—къ извѣстному дѣльцу М., одному изъ вліятельныхъ лицъ въ государственномъ контролѣ, гдѣ предварительно производилось наше дѣло. При томъ я не забывалъ, что за годъ до того, по настоянію начальника новгородской франмасонской ложи, графа Адама Солтана, я, несмотря на мою молодость, былъ посвященъ въ члены ордена и очень скоро получилъ, одну за другой, довольно высокія степени. Зная изъ дѣлъ нашей ложи, какъ масонство распространено въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ и какъ оно тамъ серьезно понимается и усердно практикуется, я не безъ основанія рассчитывалъ, что, посѣщая петербургскія ложи, сдѣлаю много полезныхъ знакомствъ и въ нихъ найду сильную поддержку для успѣха въ моемъ дѣлѣ. Я запасся рекомендаціями отъ моей ложи и всѣми символическими знаками моего масонскаго сапа.

Я прибылъ въ столицу 22-го іюля 1822 года и занялъ номеръ въ гостинницѣ Демута, но, къ счастью, на другой же день, совершенно неожиданно встрѣтился съ университетскимъ товарищемъ и другомъ моимъ Александромъ Парчевскимъ, кото-

рый года уже съ два прозябалъ въ Петербургѣ по своему безконечному процессу съ графиней Тышкевичевою, оспаривавшей законное происхожденіе его малолѣтняго единокровнаго брата, которому доводилось большое наслѣдство. Это тоже было одно изъ тѣхъ уродливыхъ «*causes célèbres*», которое только при тогдашнихъ порядкахъ могло имѣть мѣсто. Мы тотчасъ согласились жить вмѣстѣ, наняли для этого удобную квартиру и прожили такъ нѣсколько лѣтъ, пока продолжался нелѣпый процессъ, который Парчевскій, окончательно выигралъ.

Не теряя времени, я занялся собраніемъ свѣдѣній по моему дѣлу. Оказалось, что оно производится въ государственномъ контролѣ, въ отдѣленіи военныхъ отчетовъ, и заключается во взысканіи въ пользу казны весьма значительной суммы съ неисправныхъ подрядчиковъ за неисполненіе договора и за полученные ими задатки. Главнымъ подрядчикомъ былъ нѣкто С..., соучастникомъ его помѣщикъ Виленской губерніи П.; у обоихъ были значительныя имѣнія. Что же касается до залога, вѣреннаго моимъ дядею помѣщику П., то оказалось, что онъ былъ представленъ не въ обезпеченіе самой операціи, а впослѣдствіи, по возникновеніи уже этого взысканія и съ цѣлью обратить его на имѣніе моего дяди и оградить настоящихъ должниковъ. Какъ ни хитро было составлено обязательство, выманенное П.—мъ у моего дяди, которое онъ подписалъ не читавши, но, по соображенію самаго времени выдачи этого обязательства и по обстоятельствамъ дѣла, было ясно, что дядя мой не участвовалъ въ подрядѣ и не виновенъ былъ въ неисправности. Въ такомъ положеніи казенное взысканіе должно было быть обращено прежде всего на имѣнія лицъ, заключившихъ съ казною условіе, производившихъ подрядъ и получавшихъ задатки. и лишь въ такомъ случаѣ могло упадать на имѣніе моего дяди Б., еслибы стоимость имѣній самихъ виновныхъ въ совокупности, оказалась недостаточною для удовлетворенія казенной претензіи.

Этого требовала самая простая справедливость и самая простая логика, но, въ виду интригъ моихъ противниковъ, ябедническихъ изворотовъ и лживыхъ ихъ объясненій, необходимо было привести положительный законъ, въ коемъ такое требованіе справедливости и логики было бы ясно сформулировано, какъ общее правило для руководства въ подобныхъ случаяхъ.

Тутъ предстояла трудная для меня задача. Извѣстно, какое было въ то время состояніе нашего законодательства. Законоположенія по всѣмъ предметамъ разбѣяны были въ неисчислимомъ множествѣ отдѣльныхъ указовъ и постановленій, не приведенныхъ ни въ какую систему; было также большое количество отдѣльныхъ уставовъ и положеній, но они были редактированы съ крайнею неумѣlostью; въ нихъ нерѣдко подъ однимъ общимъ заглавіемъ были соединены самыя разнородныя предметы, такъ что развѣ только счастливый случай могъ въ этомъ хаосѣ повести къ отысканію нужнаго постановленія. Дѣлопроизводители, обязанные въ своихъ докладахъ приводить законы, составляли сами для своего употребленія небольшіе своды и указатели, да и въ нихъ не было ручательства, что приводимый указъ имѣетъ полную обязательную силу, что онъ не былъ отмѣненъ или видоизмѣненъ позднѣйшимъ постановленіемъ, и это послѣднее обстоятельство нерѣдко выходило наружу въ спорныхъ дѣлахъ. Этого бѣглаго очерка достаточно, чтобы показать, какимъ благодѣяніемъ для Россіи было появленіе систематическаго Свода Законовъ Имперіи.

Я дѣлалъ неимовѣрные усилія для отысканія нужнаго мнѣ закона; рылся по цѣлымъ недѣлямъ въ грудяхъ печатныхъ листовъ, представлявшихъ хотя малѣйшую къ тому надежду; допрашивалъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣловыхъ людей, слывшихъ законовѣдцами. Въ этихъ поискахъ цѣлые мѣсяцы проходили безуспѣшно, когда, наконецъ, я нашелъ почтеннаго старика, посѣдѣвшаго въ трудахъ «хожденія по дѣламъ», который мнѣ сказалъ, что нужный мнѣ законъ я найду въ древнемъ: «Уставѣ камеръ-коллегіи». Задача этимъ упростилась, но не на много облегчилась; надо было отыскать этотъ благодатный уставъ, а это было нелегко. Я обратился въ сенатскую книжную лавку и тамъ, въ первый разъ порывшись въ каталогахъ, сказали мнѣ, что такого устава нѣтъ. Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и у всѣхъ букинистовъ Щукина двора, я обратился уже къ начальству сенатской книжной лавки, настаивая на томъ, что искомый иксъ долженъ въ ней быть непременно, въ числѣ всѣхъ другихъ печатныхъ законоположеній. По неотступной моей просьбѣ, во всѣхъ складахъ лавки совершенъ былъ тщательный розыскъ

и въ одномъ изъ угловъ, подъ кипами печатнаго хлама, найдена, наконецъ, цѣлая связка давно заброшенной брошюры.

Не стану описывать моего восторга, когда я въ этомъ Уставѣ камеръ-коллегіи нашелъ статью, какъ нельзя лучше подходящую къ моей защитѣ. Въ ней ясно сказано, что, въ случаѣ взысканія за неисправность по казеннымъ подрядамъ, взысканіе это обращается сперва на имущество самихъ подрядчиковъ, сколько бы ихъ ни было, и только тогда, когда всѣ ихъ имущества въ совокупности окажутся недостаточными, то остальное затѣмъ количество казенной недоимки взыскивается съ имущества постороннихъ лицъ, находящагося въ числѣ залоговъ.

Прошенія съ прописаніемъ этой статьи были мною тотчасъ поданы государственному контролеру и въ тотъ контрольный департаментъ, гдѣ дѣло разсматривалось.

Между тѣмъ я завелъ знакомство съ вліятельными лицами по контролю, въ томъ числѣ съ приближенными къ главному начальнику этой части, барону фонъ-Кампенгаузену. Ему самому я не представлялся, это не было въ тогдашнихъ административныхъ обычаяхъ, чтобы главные начальники допускали просителей къ личнымъ съ ними объясненіямъ. Государственный контролеръ былъ человѣкъ умный и справедливый и я получилъ отъ радное убѣжденіе, что, несмотря на очень утонченные происки, которыми опутывали его мои противники, онъ заранѣе рѣшительно высказался въ мою пользу. Послѣ этого мнѣ немного уже оставалось заботы въ контролѣ. Генераль-контролеръ военно-счетнаго отдѣленія Лагода далъ совершенно благопріятное для меня мнѣніе; оно было утверждено государственнымъ контролеромъ и дѣло въ такомъ видѣ внесено въ 1-й департаментъ сената. Въ такихъ обстоятельствахъ переходъ въ сенатъ составлялъ уже одну формальность для полученія окончательной санкціи. Я имѣлъ полное основаніе полагать, что санкція эта не можетъ не послѣдовать и что я могу ждать ее спокойно. Не тутъ-то было; только съ этимъ переходомъ начинались для меня самыя потрясающія тревоженія и предстала опасность, о которой я и мечтать не могъ.

Кто довольно старъ для того, чтобы помнить описываемое время, тотъ знаетъ, что такое былъ тогда Сенатъ. Это были раздѣленные на департаменты группы лицъ заслуженныхъ изъ раз-

ныхъ вѣдомствъ,—лицъ, большею частью очень почтенныхъ, но утомленныхъ службою до полной апатіи, и, съ весьма немногими исключеніями, дряхлыхъ старцевъ. При томъ же очень немногіе имѣли, если не теоретическую, то хотя практическую подготовку къ занимаемому ими судейскому званію. Почти половина сенаторовъ были заслуженные военные генералы, которымъ, по какакимъ-либо причинамъ, не предстояла дальнѣйшая военная карьера; другую половину составляли личности знатнаго рода; составившіеся гражданскіе губернаторы и т. п. Въ такомъ составѣ нельзя было и требовать отъ членовъ сената, чтобъ они вникали въ дѣла какъ бы слѣдовало; поэтому все зависѣло отъ доклада, который читали и на словахъ объясняли оберъ-секретари согласно тому, какъ были задобрены той или другой изъ сторонъ; они-то и были *de facto* судьи, хотя и не облеченные въ это званіе, а потому не несущіе даже моральной отвѣтственности за рѣшенія. Они, не краснѣя, торговались съ заинтересованными; болѣе дающему общали несомнѣнный выигрышъ, и въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ наживали громадныя состоянія. Счастливымъ былъ тотъ департаментъ, гдѣ оберъ-прокуроръ контролировалъ доклады и принималъ въ нихъ лично участіе; но это была рѣдкость, потому что большею частію оберъ-прокуроры были также изъ знати и мало опытные для того, чтобы распутывать, хитро составленное съ намѣреніемъ, изложеніе дѣла, почему и подчинялись вліянію дѣлопроизводителей.

Усердствуя къ защитѣ интересовъ моего довѣрителя, я не полагался на правоту дѣла и на принятый имъ хорошій оборотъ. Я развезъ сенаторамъ краткія записки; сдѣлалъ я это единственно для очистки совѣсти, будучи заранѣе увѣренъ, что онѣ не будутъ читаны. И дѣйствительно, ни одинъ изъ судей меня не принялъ и сочиненія мои остались въ рукахъ камердинеровъ, безуспѣшно обо мнѣ докладывавшихъ. Я подалъ въ Сенатъ прошеніе и доводы мои повторилъ въ такъ называемомъ «рукоприкладствѣ» подъ докладною запискою. Сверхъ того, я составилъ подробное изложеніе дѣла и отвезъ его оберъ-прокурору, но и тотъ не принялъ меня.

Разумѣется, что я не упускалъ изъ виду главной, какъ мнѣ казалось, пружины дѣлового механизма, оберъ-секретаря. Но тутъ я встрѣтилъ неожиданное препятствіе: чиновникъ этотъ, на-

чальникъ экспедиціи, гдѣ производилось мое дѣло, былъ оригиналь, составляющій единственное въ своемъ родѣ исключеніе. Онъ не желалъ имѣть никакихъ сношеній, никакого знакомства съ заинтересованными лицами и до того былъ строгъ въ этомъ отношеніи, что, съ цѣлью оградить себя отъ внезапныхъ посѣщеній, выпросилъ у оберъ-прокурора позволеніе не записывать адреса своей квартиры въ общемъ адресномъ спискѣ чиновниковъ. Фамилія этого, какъ его товарищи прозвали, «дикаря» заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться историческою; онъ назывался: «Вилинскій.» Такъ какъ на оберъ-секретарѣ лежала обязанность принимать прошенія, то его можно было вызвать въ пріемную комнату. Онъ являлся всегда въ сопровожденіи курьера, въ почтительномъ отдаленіи осматривалъ васъ изподлобья, и какъ только узнавалъ, что вы пришли не для подачи просьбы, тотчасъ, не отвѣчая ни на какіе вопросы, убѣгалъ. У него была одна особенность: глубокое музыкальное чувство. Онъ страстно любилъ звуки церковнаго органа. Каждое воскресенье Вилинскій пораньше приходилъ въ католическую церковь св. Екатерины, дожидаясь торжественной литургіи съ органомъ и пѣніемъ. Онъ стоялъ все время неподвижно, какъ статуя, съ опущенными глазами, въ проходѣ между двумя рядами скамеекъ и на странной его фізіономіи, напоминающей испуганнаго звѣря, живо изображались впечатлѣнія, волновавшія его съ мѣняющимся характеромъ музыкальных мотивовъ католической мессы. Умиленіе при звукахъ offertorium переходило въ тихую грусть въ половинѣ credo, а затѣмъ въ восторженное благоговеніе при Sanctus и Miserere. Мнѣ не случалось видѣть человѣка, на котораго музыка дѣйствовала бы такъ сильно, какъ на моего «дикаря». Я нѣсколько разъ пытался заговорить съ нимъ при выходѣ изъ церкви, но онъ, узнавши меня, спасался бѣгствомъ и шагалъ чрезвычайно шибко, теряясь въ толпѣ проходящихъ по Невскому проспекту.

Такимъ образомъ о дѣлѣ моемъ я могъ говорить только съ секретаремъ, но это не вело ни къ чему. Вилинскій былъ очень дѣльный оберъ-секретарь; онъ самъ редактировалъ или строго повѣрялъ все, что писалось, и подчиненные его не имѣли никакого вліянія.

Когда дѣло приближалось уже къ докладу, я, частью случайно, частью вслѣдствіе развѣдываній, узналъ, что есть большая

опасность проиграть его безвозвратно. Опасность угрожала не со стороны канцеляріи, а была такого рода, что никакіе письменные, съ моей стороны, доводы не могли отвратить ее. Вотъ въ чемъ она заключалась:

Въ министерствѣ юстиціи директоръ департамента Ж* былъ всемогущъ и по самому этому званію, и по вліянію на министра, который довѣрялся ему вполне. Въ прежнее время г. Ж* былъ губернскимъ чиновникомъ (кажется прокуроромъ) въ Вильнѣ и тамъ вошелъ въ близкое знакомство съ г-жею С., женою одного изъ подрядчиковъ, моихъ противниковъ, за смертью котораго вдова его представляла теперь противную мнѣ сторону. Это была еще очень красивая женщина, повидимому, іерусалимскаго происхожденія. По прибытіи ея въ Петербургъ, возобновилась-ли эта связь, или остались отъ нея лишь пріятныя воспоминанія, я не зналъ, но мнѣ положительно сдѣлалось извѣстнымъ, что Ж* всѣми силами поддерживаетъ неправоє ходатайство своей пріятельницы, чтобы имущество, оставшееся послѣ ея мужа, оградить отъ казеннаго взысканія. Въ случаѣ успѣха въ этомъ г-жи С., залогъ моего дяди подвергся бы взысканію, такъ какъ имущества другого подрядчика П. недостаточно было бы для удовлетворенія казны. Тутъ уже канцелярія сената оставалась на второмъ планѣ, она не могла помочь мнѣ. Ж* дѣйствовалъ прямо на сенаторовъ, онъ самъ писалъ для нихъ мнѣнія, которыя они должны были заявить и поддерживать.

Каково же было мое положеніе? Правда, я узналъ тайное обстоятельство, отъ котораго зависѣло все, но что мнѣ съ этимъ было дѣлать? Сенаторы и оберъ-прокуроръ просителей не принимаютъ, а то, что я знаю и что составляетъ суть дѣла, я не могу написать ни въ официальномъ прошеніи, ни въ частной запискѣ. Я — маленькій человѣчекъ — подвергся бы преслѣдованію за оклеветаніе такого туза, какимъ былъ Ж*; меня бы присудили Богъ знаетъ къ какому наказанію, а во всякомъ случаѣ, дѣло моего дяди осталось бы безъ защитника. Въ такой безысходной крайности мнѣ оставалась одна надежда: повидаться съ оберъ-прокуроромъ и рассказать ему все, что знаю. Оберъ-прокуроромъ былъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ; онъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ умный, непоколебимой честности, храбрый поборникъ святой правды, словомъ такой именно,

какого мнѣ, въ настоящемъ усложненіи дѣла, было нужно. Вся задача состояла въ томъ, чтобы мнѣ съ нимъ повидаться, — задача не легкая; Александръ Васильевичъ усвоилъ себѣ вредный предразсудокъ, что государственный дѣятель въ его положеніи не долженъ выслушивать устныхъ объясненій, дабы ими не увлекаться, а обязанъ судить по однимъ письменнымъ даннымъ. ¹⁾ Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы его увидеть; но всегда, даже раннимъ утромъ, отвѣтъ лакеевъ былъ одинъ: «генерала дома нѣтъ». Въ третью такую безуспѣшную попытку я вручилъ камердинеру запечатанное письмо, съ надписью: «очень нужное». Я писалъ, что имѣю сообщить такія подробности, которыя не могутъ быть написаны, но отъ которыхъ зависитъ исходъ дѣла и что заѣду завтра утромъ. Я далъ лакею взятку, прося его непременно отдать письмо, и былъ увѣренъ, что въ слѣдующій разъ буду принять. Я ошибся; когда я пріѣхалъ на другой день, то лакей сказалъ уже не то, что дома нѣтъ, а что: «генераль велѣлъ никого не принимать». Онъ прибавилъ, что такой приказъ отданъ былъ послѣ того, какъ мое письмо было прочитано.

Я былъ въ отчаяніи. Черезъ пять дней дѣло должно было докладываться. Я рѣшился изложить все въ письмѣ къ Александру Васильевичу, рассчитывая на его благодушіе, что онъ меня не выдастъ; я ему разъ представлялся въ сенатѣ, и лицо его суровое, но умное и выразительное, показалось мнѣ очень симпатичнымъ. Я уже приготовилъ письмо, чтобы завтрашній день отвезти его. Но это не успокаивало меня и я былъ въ неописанно-тревожномъ состояніи.

Такъ называемый случай (котораго я ни въ чемъ не допускаю, да и самое это слово считаю нелѣпымъ), вручилъ меня.

¹⁾ Прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ директоръ департамента министерства юстиціи, въ министерство Д. В. Дашкова, П. И. Дегай, былъ такого же мнѣнія, что и Казадасиъ на счетъ личныхъ объясненій. Кто-то не помню, пожаловался мнѣ на недоступность Павла Ивановича и я имѣлъ объ этомъ съ нимъ разговоръ. По исчерпаніи всѣхъ аргументовъ а priori, я прибѣгнулъ къ методу а posteriori, то есть рассказалъ описываемое здѣсь мое дѣло. Рассказъ этотъ имѣлъ полный успѣхъ; пораженный имъ Дегай былъ настолько уменъ и добросовѣстенъ, что, не слѣдуя примѣру многихъ, которые не рациональное упрямство принимаютъ за «твердость характера», онъ согласился со мною, что есть случаи, въ которыхъ устное объясненіе необходимо, и сталъ съ тѣхъ поръ выслушивать просителей.

Музыкальность въ Петербургѣ въ то время была очень мало развита. Русская опера (о которой я скажу ниже), едва заслуживала это названіе. Кромѣ Крестовскаго острова, гдѣ по воскресеньямъ можно было услышать аккорды нѣсколькихъ нестройныхъ скрипоевъ и охрипшаго кларинета, не было публичныхъ музыкальныхъ вечеровъ. Только, — также по воскресеньямъ, — въ Колтовской, у Крестовскаго перевоза, на дачѣ оберъ-егермейстера Нарышкина, иногда играла, отживавшая свой вѣкъ, роговая музыка. Она была замѣчательна тѣмъ, что каждый изъ 25—30 музыкантовъ въ данное время издавалъ только одну ноту, и эти отдѣльные звуки, строго рассчитанные, сливались въ прекрасное фонетическое цѣлое.¹⁾ Концерты были очень рѣдки. Страстно любя музыку, я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что можно было слышать въ домахъ, гдѣ барышни пѣли почти постоянно «*Benedetta sua madre*» и играли не совсѣмъ еще тогда устарѣвшія увертюры «Багдадскаго Калифа» и «Двухъ слѣпыхъ».

Озабоченный постоянною мыслью о дѣлѣ и вѣроятнымъ исходомъ рѣшительнаго шага, предполагаемаго на завтрашній день, я зашелъ навѣстить больного пріятеля Тита Альбертовича П. Я засталъ его въ постели, въ такомъ положеніи, въ которомъ больной не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Послѣ общихъ мѣстъ разговора, Титъ сказалъ: «не хочешь-ли побывать въ сегодняшнемъ концертѣ? Его дають любители, въ пользу бѣдныхъ, въ залѣ дома Энгельгардта (извѣстная концертная и маскарадная зала, у Казанскаго моста, въ домѣ теперь Ольхиной). Мнѣ всучили насильно билетъ; а я, какъ видишь, не могу ѣхать». Тутъ онъ вручилъ мнѣ билетъ и программу. Кромѣ другихъ замѣчательныхъ талантовъ лучшаго общества, пѣла М-ле Демидова, обладавшая необыкновеннымъ контральто, и, главное, пѣлъ князь Григорій Петровичъ Волконскій, котораго *basso profondo* не имѣлъ подобнаго себѣ въ Европѣ. Довольно ска-

¹⁾ Это былъ послѣдній хоръ роговой музыки. Ею отмѣнили, замѣтивъ, что музыканты оканчивали обыкновенно свое понрище чахоткой. Она развивалась не потому, что требовались усилія для изданія звука, а вслѣдствіе того, что каждый музыкантъ, въ ожиданіи своей очереди, долженъ былъ постоянно надуть губы, рассчитывая по нотамъ ту секунду, въ которой придется ему испустить свою ноту. Такимъ образомъ никто изъ играющихъ и изъ ожидающихъ очереди не имѣлъ ни минутнаго отдыха; легкія всѣхъ работали безпрерывно.

зять, что знаменитую каватину Зороастра изъ «Волшебной флейты» онъ пѣлъ такъ, какъ она написана Моцартомъ, чего исполнить не могъ никто, кромѣ Беллони, для котораго она и была сочинена. Я тѣмъ болѣе обрадовался подарку, что самъ не взялъ бы билета; онъ стоилъ 10 рублей, слишкомъ дорого для моего кармана. Концертъ назначенъ былъ въ 7 часовъ, но такъ какъ мѣста не были нумерованы и билетовъ роздано болѣе чѣмъ было въ залѣ стульевъ, то я поторопился, чтобы найти хорошее мѣсто, и дѣйствительно, занялъ стулъ у самой эстрады. Зала, почти пустая когда я пришелъ, скоро стала наполняться; всѣ стулья и боковыя скамейки были заняты, и всѣ, немного опоздавшіе, принуждены были стоять. Концертъ начался и шелъ превосходно; все лучшее петербургское общество было на лицѣ. Уже было исполнено нѣсколько первыхъ нумеровъ программы и наступилъ коротенькій антрактъ, когда я, почувствовавъ, что кто-то опирается на спинку моего стула, обернулся и увидѣлъ моего оберъ-прокурора, человѣка уже не молодаго, который переступалъ съ ноги на ногу и съ завистью поглядывалъ на занятые стулья. Я поспѣшно всталъ и, поклонившись, попросилъ его на мое мѣсто. Казадаевъ принялъ предложеніе, поблагодарилъ и спросилъ, кому онъ обязанъ этой любезностью. Я сказалъ мою фамилію и прибавилъ, что нѣсколько разъ заѣзжалъ къ нему, желая представиться лично, но не былъ принятъ. Александръ Васильевичъ не отвѣчалъ; я занялъ его прежнее мѣсто за спинкою моего стула. Концертъ кончился; Казадаевъ, вставши и увидя меня, въ полголоса сказалъ: «завтра утромъ, въ 10-мъ часу, я буду васъ ждать у себя дома».

Можно себѣ представить какъ я обрадовался; прямо изъ зала я отправился къ моему Титу, чтобы поблагодарить его; онъ и самъ не зналъ и я ему не сказалъ, какую своимъ билетомъ онъ оказалъ мнѣ услугу.

Въ назначенный часъ оберъ-прокуроръ принялъ меня очень любезно, сказавъ, что для меня отступаетъ отъ своего правила — не видать просителей въ глаза. Я осмѣлился замѣтить, что это иногда бываетъ необходимо, когда проситель находится въ невозможности написать то, что имѣетъ сообщить:

— «А, такъ ваши объясненія такого рода? Ну, извольте же говорить».

Я все рассказалъ.

Выслушавъ меня съ нахмуренными бровями (а они были огромны и придавали лицу суровый видъ), Казадаевъ спросилъ:

— «Вы увѣрены въ справедливости сказаннаго вами?»

— Совершенно увѣренъ.

— «Да, теперь я вспомнилъ, что и меня Ж. просилъ за мадамъ С. Ну хорошо, что вы все мнѣ сказали; этимъ уяснилось кое-что, чего я не понималъ. Я ваше дѣло тщательно пересмотрю и будьте покойны, я не допущу, чтобы низкая интрига повліяла на его исходъ. Прощайте, и, повторяю, будьте покойны.

Я дѣйствительно успокоился и сталъ другимъ человѣкомъ; сонъ и веселость возвратились; я чувствовалъ, что исполнилъ все, чего требовалъ отъ меня долгъ повѣреннаго, а остальное предоставилъ на волю Божию.

Черезъ недѣлю послѣ моего свиданія съ Казадаевымъ дѣло было рѣшено. Сенатъ единогласно постановилъ: «взысканіе обратиться первоначально на имущество С. и П. въ совокупности; имѣніе же залогодателя Б. подвергнуть взысканію въ такомъ лишь случаѣ и въ такой мѣрѣ, когда и насколько имущества обоихъ подрядчиковъ окажутся недостаточными для удовлетворенія казны».

И такъ, въ концѣ-концовъ, можно почти съ полною увѣренностью заключить, что я выигралъ правое дѣло, спасъ моего довѣрителя отъ разоренія, вслѣдствіе того, что Титъ П. заболѣлъ во время такую болѣзнь, которая удержала его въ постели. Еслибы онъ могъ въ тотъ день выѣзжать, то, по всей вѣроятности, дѣло было бы проиграно. Умный и благонамѣренный оберъ-прокуроръ, положимъ, изъ обстоятельствъ дѣла и моихъ прошеній и могъ бы самъ увидѣть на чьей сторонѣ правда; но первый департаментъ сената заваленъ такимъ множествомъ дѣлъ, что оберъ-прокуроръ едва-ли имѣетъ возможность вникать подробно въ каждое изъ нихъ, да и сомнительно было, чтобы онъ, еслибы не узналъ всѣхъ обстоятельствъ, устоялъ противъ натиска пяти сенаторовъ, единогласно и настоятельно заявившихъ свои мнѣнія. Я впослѣдствіи узналъ, какого труда стоило Казадаеву уломать сенаторовъ. Но за мое дѣло благородный мой защитникъ нажилъ себѣ врага въ вліятельномъ покровителѣ г-жи С. и испыталъ такъ много несправедливостей въ своей служебной карьерѣ, что взялъ отставку.

III.

Петербургъ 1820-хъ годовъ и въ матеріальномъ, и въ нематеріальномъ отношеніи былъ мало похожъ на теперешнюю столицу. Я не буду исчислять всѣхъ этихъ различій. Главныя состояли въ томъ, что многія великолѣпныя зданія, какъ Исаакіевскій соборъ, Главный Штабъ, великокняжескіе дворцы, или не существовали, или только начинали строиться. Это давало городу видъ чего-то недоконченнаго. ¹⁾ При томъ наружность улицъ и площадей утомляла однообразіемъ; очень немного было утвержденныхъ плановъ и фасадовъ, по которымъ позволялось возводить новыя постройки; тѣ же ограниченія существовали и для ихъ окраски; почти исключительно принятъ былъ блѣдно-желтый цвѣтъ для самыхъ корпусовъ, съ бѣлымъ для фронтоновъ колоннъ, пиластровъ и фрезъ. Поэтому цѣлыя, даже главныя, улицы имѣли какой-то казарменный видъ; вмѣсто теперешняго бульвара, Адмиралтейство было окружено каналомъ; посрединѣ Невскаго проспекта, отъ Казанскаго до Аничковскаго моста, шелъ бульваръ для пѣшиходовъ, обсаженный тощими липами, которыя не могли достигнуть своего роста отъ безпрестаннаго сотрясенія грунта проезжающими экипажами. Михайловскаго дворца, площади, сада и улицы того же названія, не было; это былъ пустырь, на которомъ сваливали со всей этой части города мусоръ и всякій соръ. Населенія было на половину менѣе теперешняго. Общее настроеніе было не веселое: тогда были послѣдніе годы царствованія Александра I, ознаменованные затишьемъ у царскаго двора и частыми продолжительными отлучками государя на европейскіе конгрессы. Посреди мертвящаго формализма всеобщей дисциплины, распространяемой желѣзной ферулой Аракчеева, въ обществѣ было тревожное ожиданіе чего-то неопредѣленнаго; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе кризиса. Это было броженіе тѣхъ стихій замышляемаго переворота, которыя войска наши принесли съ собою изъ Франціи, которыя созрѣвали въ сбори-

¹⁾ Приѣзжавшій съ повинною, по случаю умерщвленія въ Тегеранѣ Грибоѣдова, сынъ наслѣдника персидскаго престола Хозревъ-Мирза, говорилъ, что Петербургъ будетъ прекрасный городъ, когда совсѣмъ «обстронется».

цахъ тайныхъ обществъ и должны были разразиться 14-го декабря. Безсознательно-тревожное предчувствіе общества, это была та тѣнь, которую по англійской поговоркѣ «грядущія событія бросаютъ передъ собою». ¹⁾

Я не успѣлъ побывать ни въ одной петербургской франмасонской ложѣ, какъ вдругъ 1-го августа 1822 г. вышелъ высочайшій указъ, закрывшій всѣ ложи въ имперіи и строго запретившій всѣ тайныя общества. До того я познакомился со многими вліятельными личностями ордена и онѣ обѣщали мнѣ дѣятельную помощь въ моемъ дѣлѣ, къ которой, впрочемъ, я, какъ оказалось, не имѣлъ надобности прибѣгать.

Я упомянулъ уже, что масонство практиковалось въ Петербургѣ съ особенною ревностью. И дѣйствительно, почти все образованное населеніе, всѣ не престарѣлыя лица высшаго и средняго обществъ принадлежали къ ложамаъ, которыхъ въ столицѣ было нѣсколько. Всѣ твердо вѣрили проповѣдываемымъ и въ рѣчахъ и въ масонской символикѣ возвышеннымъ стремленіямъ ордена къ нравственному усовершенствованію человѣчества, къ преобразованію его на основахъ братской любви и справедливости. Впрочемъ, такое общее расположеніе къ терпимому тайному обществу, и въ Петербургѣ, и въ другихъ городахъ Россіи, было вполне понятно; оно не могло не быть привлекательнымъ въ тогдашней душевной атмосферѣ аракчеевскаго времени. Ложи были какъ бы нейтральныя территоріи, какъ бы оазисы среди всеобщаго оффиціального застоя. Въ нихъ всякій могъ быть самимъ собою, могъ дышать и высказываться свободно; въ ихъ стѣнахъ сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія служебныя и сословныя различія. Нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя; сенатскій оберъ-секретарь или только секретарь имѣлъ своимъ подчиненнымъ сенатора своего же департамента. Въ то время, когда я прибылъ въ Петербургъ, незнатнаго рода художникъ, портретный живописецъ Олешкевичъ былъ, послѣ сенатора графа Адама Ржевускаго, начальникомъ польской ложи и, по своей учености, высокой степени, занимаемой въ орденѣ, а не менѣе того и по прекраснымъ качествамъ души, пользовался во всѣхъ ложахъ необыкновеннымъ

¹⁾ Coming events throw their shadow before them

почетомъ и имѣлъ много интимныхъ друзей между лицами, очень высоко поставленными.¹⁾

Такая горячая привязанность къ масонству имѣла, однако-жъ, въ извѣстномъ отношеніи, неодобрительное вліяніе. Безусловно и буквально понимая обязанность взаимной помощи между собою, масоны переносили эту обязанность въ область и общественныхъ, и служебныхъ, и дѣловыхъ отношеній. Фамусовское правило, «какъ не порадовать родному человѣчку», получило обширное примѣненіе къ братскому союзу между членами ордена. Когда въ служебномъ кругѣ дѣйствія выборъ на предстоящее мѣсто зависѣлъ отъ масона, а одинъ изъ кандидатовъ былъ масонъ, то, несмотря ни на какія обстоятельства, обусловливавшія выборъ, таковой падалъ всегда на брата. То-же самое практиковалось и въ тяжбахъ и во всякихъ спорныхъ дѣлахъ. У судьи-масона всегда выигрывалъ масонъ, если противникъ не принадлежалъ къ ордену, и безпристрастныя рѣшенія возможны были только въ случаяхъ, когда обѣ стороны были или профаны, или братья.

Меня ни мало не удивило закрытіе ложъ, напротивъ, я не понималъ, какъ масонскія сборища и пропаганда могли быть такъ долго терпимы въ чисто-монархическомъ государствѣ и въ особенности при тогдашнемъ режимѣ. Это объясняется развѣ только тѣмъ, что самъ императоръ Александръ I принадлежалъ нѣкогда къ ордену, въ который онъ, будучи еще великимъ княземъ, былъ вовлеченъ однимъ изъ своихъ воспитателей, Беберомъ. Но петербургскихъ масоновъ распоряженіе правительства поразило какъ громомъ. Они не могли привыкнуть къ мысли, что общество ихъ рушилось, что братскія «агалы» прекратились безвозвратно. Однако-жъ, сколько я знаю, не было никакихъ попытокъ возобнов-

¹⁾ Польская ложа въ Петербургѣ называлась ложею «Бѣлаго Орла»; всѣ ея члены носили въ собраніяхъ знакъ, состоящій изъ маленькаго серебрянаго орла на голубой лентѣ. Это дало поводъ къ слѣдующему quid-pro-quo. Въ 1860-хъ годахъ, когда всѣ западныя губерніи, управляемыя Н. М. Муравьевымъ, были подъ слѣдствіемъ по случаю мятежа, въ одномъ изъ производимыхъ почти повсюду обысковъ, въ деревнѣ, въ домѣ помѣщика Словимскаго уѣзда, Петра Орды найденъ маленький Бѣлый Орелъ на полинявшей голубой лентѣ. Онъ былъ принятъ за эмблему мятежа. Орда былъ тогда въ Петербургѣ; его оттуда вытребовали. Ему не малаго труда стоило доказать, что это былъ знакъ масонской ложи, къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ.

лать ихъ втайнѣ и въ прежнемъ значеніи. Естественнo было, что масоны собирались преимущественно между собою для бесѣдованія и сѣтованія о прошедшемъ; но кружки эти не имѣли ни характера, ни обстановки тайнаго сборища. Только прежняя солидарность между членами сохранилась и бывшіе масоны продолжали всячески покровительствовать бывшимъ собратамъ. Здѣсь, въ интересѣ исторической истины, я долженъ записать фактъ, что, сколько мнѣ извѣстно, заговорщики, которымъ присвоено названіе «декабристовъ», не имѣли ничего общаго и даже никакихъ сношеній съ масонами, ни въ прежнемъ составѣ ложъ, ни по закрытіи ихъ. По крайней мѣрѣ для петербургскихъ масоновъ декабрьская катастрофа была такъ же неожиданна, какъ и для всего русскаго общества.

Кромѣ своего мистическаго значенія, масонство составляло едва-ли не единственную стихію движенія въ прозябательной жизни того времени; едва-ли не единственный центръ сближенія между личностями, даже одинаковаго общественнаго положенія. Внѣ этого круга, общительность, какъ ее видимъ въ европейскихъ городахъ, въ Петербургѣ не существовала; всѣ какъ-то чуждались другъ-друга, да и не было такихъ центровъ, гдѣ можно было-бы свести хотя случайныя знакомства. Не было никакихъ публичныхъ увеселеній на открытомъ воздухѣ, кромѣ, какъ я упомянулъ, одинъ разъ въ недѣлю гулянья на Крестовскомъ островѣ, но на немъ преобладалъ нѣмецкій ремесленный элементъ и нельзя было увидѣть ни одной порядочной дамы и ни одного мушкетера изъ хорошаго общества. Все это общество проводило лѣто въ окрестностяхъ, на дачахъ. Самая модная мѣстность для лѣтняго пребыванія была Нарвская дорога, сплошь, до самой Стрѣльны и Петергофа, застроенная барскими виллами съ большими парками и садами. Дорога эта была первою въ Россіи—макадамово шоссе, построенное въ 1822 году моимъ хорошимъ знакомымъ, полковникомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, дономъ Алонзо-де-Вядо и Кастро и Гузманъ и Аббенда и т. д.¹⁾

Въ зимнее время давались въ домѣ Энгельгардта маскирады.

¹⁾ У него было девять или десять и. Онъ мнѣ показывалъ свой дворянскій дипломъ на пяти листахъ пергамента, подписанный самимъ королемъ (Ja et Rey); изъ диплома явствовало, что мой де Вядо происходитъ въ прямой линіи отъ Аррагонскихъ королей.

Эти собранія не имѣли ничего похожаго на рауты этого рода въ другихъ европейскихъ городахъ, оживляемые характеристическими кадрилими, эксцентрическими костюмами, масками, интригующими не какія-нибудь личности, а всю публику сатирическими выходками, мѣткими намеками, ворожбою, и т. п. Несмотря на веселые мотивы, наигрываемые оркестромъ, маскарады Энгельгардтова дома, всегда безъ танцевъ, имѣли видъ похороннаго шествія и утомляли мундирнымъ однообразіемъ костюмовъ, монаховъ или пилигриммовъ, маркизовъ и пьерро. Несмотря на такой меланхолическій характеръ этихъ собраній, онѣ, почти постоянно, около 3-хъ часовъ ночи, увѣнчивались безобразнымъ пьянствомъ въ буфетѣ а иногда и дракою.

Въ описываемое время Петербургъ, во многихъ отношеніяхъ, сравнительно съ другими европейскими столицами, былъ городъ отсталый. Въ жизни и обстановкѣ высшихъ классовъ видна была роскошь и даже расточительность, но въ массѣ городского населенія замѣчалось непониманіе условій разумнаго комфорта и удобствъ жизни; городское же начальство не давало съ своей стороны ничего для доставленія ихъ жителямъ. Во всемъ огромномъ городѣ было только два публичныхъ сада, гдѣ лѣтомъ можно было подышать воздухомъ, а не пылью, и пріютиться въ тѣни деревь. Это были такъ называемый Лѣтній и Юсуповскій, на большой Садовой; я не считаю Таврическаго сада, находящагося почти за-городомъ. Мостовая была еще хуже теперешней, а для сообщенія съ окрестностями уже по моемъ пріѣздѣ, какъ сказано, построено было макадамово шоссе. Публичныхъ экипажей или омнибусовъ не было ни одного; наемныя кареты были въ маломъ числѣ и до крайности неисправныя и грязныя. Самый обыкновенный локомотивъ составляли не крытыя дрожки, прозванныя гитарами, на которыхъ падо было садится верхомъ какъ на лошадь, и гдѣ возница сидѣлъ у васъ почти на колѣпахъ. Зато высшій и средній классы щеголяли экипажами и лошадьми. Только доктора, купцы и мелкая буржуазія ѣздили на парѣ,—все что было аристократія или претендовало на аристократію, ѣздило въ каретахъ и коляскахъ четвернею, цугомъ, съ фореиторомъ. Для хорошаго тона, или, какъ теперь говорятъ, для шика, требовалось, чтобы фореиторъ былъ сколь можно, маленькій мальчикъ, притомъ, чтобы обладалъ одною, насколько можно, высокою нотою голоса, даже выше

груднаго и покойнаго Рубини. Ноту эту, со звуком и!..... означающимъ сокращенное «поди», онъ долженъ былъ издавать безъ умолку и тянуть какъ можно долѣе, на примѣръ отъ Адмиралтейства до Казанскаго моста. Между мальчиками-форейторами завязывалось благородное соревнованіе, кто кого перекричитъ, и когда вы шли по Невскому проспекту, то у васъ въ ушахъ постоянно пищало это нескончаемое «и... ..!» Въ двойныхъ дрожкахъ и саняхъ съ дышломъ никто не ѣздилъ кромѣ докторовъ, «людей науки». Люди же не-науки, особенно львы и псевдо-львы, мчались во всю прыть въ экипажахъ съ оглоблями и со скачущими по обѣ стороны, почти подъ прямымъ угломъ отъ коренной, отвороченными пристяжными. Модель для такой упряжи, вѣроятно, взята была съ картинъ, изображающихъ Феба, какъ онъ совершалъ въ колесницѣ свой дневной путь по Зодіаку. Но еслибы тогда существовало общество покровительства животныхъ, то оно непременно запротестовало бы противъ такого истязанія несчастныхъ пристяжныхъ.

Кулинарная часть въ публичныхъ заведеніяхъ пребывала въ какомъ-то первобытномъ состояніи, на очень низкой степени. Холостому человѣку, не имѣвшему своей кухни, почти невозможно было обѣдать въ русскихъ трактирахъ. Притомъ же заведенія эти закрывались вечеромъ довольно рано. По выходѣ изъ театра, можно было поужинать только въ одномъ ресторанѣ, гдѣ-то на Невскомъ проспектѣ, подъ землею, его содержалъ Доминикъ, кажется, дѣдъ бывшаго впоследствии содержателя ресторана подъ этою-жъ фирмою. Тамъ подавали вамъ нѣчто мясное, подъ названіемъ бифстека; это былъ псевдонимъ, но, при хорошемъ аппетитѣ, сносный.

Теперь главныя улицы города и даже Васильевскаго острова густо заселены французскими куафѣрами; ихъ почти такъ много, какъ кабаковъ. Я же, пріѣхавши въ 1822 г., засталъ только одного, Геліо (Heliot); впоследствии пріѣхалъ еще Андриу (Andrieux). Черезъ руки этихъ артистовъ проходили головы всѣхъ мужчинъ, которые хотѣли быть хорошо обстриженными, и всѣхъ дамъ, которыя хотѣли имѣть хорошую прическу. Артисты брали дорого: за стрижку 5 руб., за дамскую куафюру 15 руб. ассигн.; оба нажили большія состоянія.

Въ первое время моего пребыванія замѣтно было въ сѣверной столицѣ отсутствіе духа ассоціаціи. Только чрезъ три или

четыре года послѣ моего пріѣзда стали завязываться компаніи на акціяхъ. Первыми изъ такихъ были общества: Страхоевое отъ огня и Дилижансовъ для сообщенія между столицами. Все пароходство было въ рукахъ у одного лица, шотландца Берда (Baird). Онъ первый завелъ пароходы и получилъ на нихъ исключительную десятилѣтнюю привиллегію. Бердъ возилъ пассажировъ въ Кронштадтъ и оттуда; но, главное, завелъ много транспортныхъ судовъ, которыми на буксирѣ перевозилъ изъ Кронштадта въ Петербургъ приходящіе изъ-за границы, а въ Кронштадтъ—изъ Петербурга отпускаемые за границу товары. А какъ царусныя суда не могли выдерживать конкуренціи съ пароходами, то вся каботажная навигація и по привозной, и по отпускной торговлѣ, производилась почти исключительно Бердомъ, и вышло, что одна монополія повлекла за собой другую. Богатые купцы и капиталисты, по-славянски «заднимъ умомъ крѣпкіе», съ грустью и позднимъ раскаяніемъ смотрѣли, какъ иностранный промышленникъ наживалъ милліоны, которые по праву принадлежали бы имъ, еслибы у нихъ не было недостатка инициативы и разумной пріимчивости.

Бердъ дѣйствительно сдѣлалъ себѣ огромное состояніе; но, пользуясь своею привиллегією, онъ подумывалъ и о будущемъ, когда истечетъ срокъ монополіи. На купленномъ имъ у взморья участкѣ земли онъ устроилъ громаднѣйшій чугунно-литейный заводъ, на которомъ и до сихъ поръ производятся важнѣйшія работы. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ имѣлъ рабочихъ безплатно, съ обязанностью только кормить ихъ. При существованіи крѣпостнаго права, у помѣщиковъ, живущихъ въ городѣ, было принято, провинившихся и дурнаго поведенія людей изъ прислуги, отдавать на заводъ Берда въ видѣ наказанія. Только немногіе помѣщичьи получали за нихъ небольшую плату. Такимъ образомъ на заводѣ бывало всегда около ста такихъ каторжниковъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ только одинъ русскій театръ, гдѣ игрались всякія пьесы. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій театръ, при мнѣ уже выстроили деревянный, но чрезъ годъ, или еще прежде онъ сгорѣлъ. Я засталъ еще на русской сценѣ двѣ знаменитости: Самойлова и Семенову старшую. Это были двѣ по истинѣ геніальныя личности, которыя повсюду и во всѣ времена были бы признаны такими. Нельзя, однакожъ,

не пожалѣть, что такая женщина какъ Семенова, для своего полета не имѣла довольно простора. Она принуждена была затѣснять его въ рамки рѣмованныхъ трагедій, произведеній господствовавшаго тогда строгаго классицизма, такого жанра, который имѣеть нелѣпую претензію предписывать генію законы и регулировать вдохновеніе.

Я не могу признать знаменитостью Истомину, хотя и воспѣтую Пушкинымъ. Она танцевала прекрасно, въ ней было много силы, даже болѣе чѣмъ граціи; ее можно было отнести къ тому разряду балеринъ, во главѣ которыхъ стала въ послѣдствіи Фанни Эльслеръ. Но и тогда, когда я еще не видалъ ничего лучшаго, Истомина не осуществляла моего идеала. Въ исходѣ 1830-хъ годовъ явилась въ Петербургъ Таліони. Она не отличалась особенною силою; ея прыжки и пируэты не достигали, быть можетъ, высоты и быстроты другихъ первостепенныхъ балеринъ, но впервые мы увидѣли танецъ, оживленный душою. Это уже не была кукла Олимпія, это была Галатея, вызванная къ жизни страстью Пигмаліона. Ее не вдругъ оцѣнили: судя по ея европейской славѣ, петербургская публика ожидала чего-то необыкновеннаго въ хореографическомъ отношеніи. Но мало по малу, какъ бы безсознательно, зрители стали увлекаться ея превосходствомъ. Многіе говорили: она танцуетъ не лучше, она не красивѣе и не граціознѣе другихъ, но въ ея танцѣ есть «*un je ne sais quoi*».... Вотъ это-то «*je ne sais quoi*» и была та душа, которую она первая своимъ геніемъ сумѣла воплотить въ свое ремесло и тѣмъ возвысила его на степень изящнаго искусства. Таліони имѣла много, болѣе или менѣе, счастливыхъ подражательницъ изъ тѣхъ, которыя, не останавливаясь на хореографическихъ условіяхъ, поняли въ чемъ заключалось ея истинное достоинство. Но у ней было еще одно качество, исключительное и неподражаемое. Это цѣломудріе, дѣвственная стыдливость, облагораживающая и идеализирующія ея игру среди исполненія самыхъ разнообразныхъ требованій хореографическаго механизма и мимики. Качество это болѣе всего замѣчалось въ ея любимомъ, нарочно для нея сочиненномъ, балетѣ «Сильфида», гдѣ стыдливость являлась въ дивномъ сочетаніи съ выраженіемъ пламенной страсти влюбленной феи, а это придавало игрѣ Таліони невыразимую прелесть.

Въ русской оперѣ прима-донною была сестра трагической ак-

трисы Семеновой, Нимфодора. Она имѣла маленькій симпатичный сопрано, да болѣе и не нужно было для тогдашняго репертуара, ограничивавшагося: «Красной шапочкой», «Замарашкой» (такъ тогда называлась Сандриліона) Буальдіе, и подобными оперетками.¹⁾

Французскій театръ былъ, относительно немногимъ, ниже теперешняго. Особенно въ числѣ актрисъ были замѣчательные таланты; но репертуаръ былъ очень скуденъ; почти исключительно давались плохіе водевили (Скриба еще не было), и иногда мелодрамы.

Въ продолженіе моего дѣла, то-есть въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, имѣя много свободнаго времени, я проводилъ каждый день по нѣсколько часовъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Извѣстно, что главныя основанія этого громаднаго книго-хранилища составляли три библіотеки, которыя, во время еще бывшей Польши, собирали три, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, епископа, графы Залускіе. Поэтому прежде всего петербургская библіотека есть богатѣйшая въ Европѣ сочиненіями богословскаго содержанія. Къ библіотекамъ Залускихъ присоединена была въ послѣдствіи и Пулавская библіотека князей Чарторыхскихъ. Потомъ уже, начиная съ того времени, какъ Публичная библіотека поступила въ управленіе барона (нынѣ графа) М. А. Корфа, она стала быстро увеличиваться и новыми приобрѣтеніями, и частными пожертвованіями, а также вслѣдствіе существовавшаго уже распоряженія о присылкѣ въ нее всѣхъ, печатаемыхъ въ Россіи, книгъ. Я хочу поговорить здѣсь о томъ, какъ я ее зналъ въ 1820-хъ годахъ, когда она состояла подъ начальствомъ президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина. О тогдашнемъ ея состояніи, судя по теперешнему, нельзя себѣ составить даже приблизительнаго понятія. Надо начать съ того, что каталоговъ не было. Только вновь поступававшимъ русскимъ книгамъ велись списки, но не было систематическихъ списковъ книгамъ ни польскимъ, ни латинскимъ, ни на другихъ языкахъ; нѣкоторыхъ старыхъ каталоговъ имѣлись только отрывки. Для полученія желаемой книги вы записывали ее на-авось, и также на-авось искалъ ее въ этомъ хаосѣ

¹⁾ Обѣ сестры Семеновы сдѣлали блистательныя карьеры: старшая вышла замужъ за князя Гагарина, младшая — за г. Лестрелень. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 265—269.

дежурный бібліотекаръ. Если вы вообще были счастливы въ азартныхъ играхъ, то дня чрезъ три-четыре получали желаемую книгу, не то бібліотекаръ предлагалъ вамъ другую изъ того же отдѣла литературы или наукъ, найденную имъ вмѣсто требуемой.

Я желалъ прежде всего пройти, по возможности, всю старую польскую литературу: историческую, законодательную и изящную. Она была полна, но тутъ встрѣтились большія затрудненія: не только не было каталога, но никто изъ бібліотекарей не умѣлъ читать по-польски. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, одинъ изъ бібліотекарей предложилъ мнѣ отправиться въ польскую залу и самому искать себѣ книгъ. Я обрадовался этому предложенію, потому что если и не нашелъ бы сразу искомой книги, зато попались бы мнѣ другія, неизвѣстныя, и быть можетъ, болѣе еще интересныя. Сначала, для наблюденія за мною, отряженъ былъ одинъ изъ сторожей; но вскорѣ я внушилъ настолько къ себѣ довѣрія, что одинъ уже расхаживалъ по заламъ. Тутъ, если-бы у меня былъ пихлеровскій талантъ, я могъ бы составить себѣ порядочную бібліотеку старыхъ польскихъ книгъ, тѣмъ удобнѣе, что онѣ нигдѣ не были записаны, и тѣмъ для совѣсти легче, что никто ими не интересовался.

Частью прочитавъ, частью же пересмотрѣвъ все болѣе замѣчательное въ старо-польской письменности, я обратился къ любимому моему предмету: «Occulta». Они были отнесены къ богословскому отдѣлу, который находился въ большемъ, чѣмъ другія части, порядкѣ. И тутъ также мнѣ было предоставлено самому искать книгъ. Я болѣе года непрерывно занимался тайными науками, прочиталъ почти все, что было въ бібліотекѣ, начиная съ пифагорейскихъ традицій, до Корнелія Агриппы, съ «Turba philosophorum» до «Hermippus redivivus», и до сочиненій Габалиса. Впрочемъ, я преслѣдовалъ одну, давно задуманную задачу и неутомимымъ трудомъ достигъ, наконецъ, ея рѣшенія. Событіе это имѣло громадное вліяніе на будущность моего внутренняго человѣка. Все, что я объ этомъ могу сказать, это: что и изысканія мои, и ихъ результатъ не имѣли ничего общаго съ герметическою философіею.

Въ числѣ бібліотекарей были, кажется, и почетные; они являлись въ неопредѣленное время, но было четверо штатныхъ, дежурившихъ поочередно, съ которыми я постоянно имѣлъ дѣло.

Это были: извѣстный баснописецъ Крыловъ, извѣстный авторъ грамматики Востоковъ, англичанинъ Аткинсонъ, кажется, чей-то гувернеръ, и докторъ медицины Фріофъ, шведъ. Процедура съ книгами была слѣдующая: уходя, вы отдавали недочитанную книгу дежурному; онъ ее запиралъ въ шкафъ, а на другой день другой уже дежурный выдавалъ ее по указанному номеру. Съ 1824 года, поступивши на службу, я приходилъ уже только въ послѣобѣденное время. Крыловъ былъ уже старъ, тученъ и тяжелъ на подъемъ. Я всякій разъ заставлялъ его покоившимся глубокимъ сномъ на диванѣ. Нужно было ждать, пока сторожъ его разбудить; онъ вставалъ ворча, долго отыскивалъ книгу и вручалъ ее не совсѣмъ любезно. Востоковъ такъ страшно заикался, что когда хотѣлъ что-нибудь вамъ объяснить, то долго нужно было ждать конца. Съ этимъ недостаткомъ онъ былъ жалокъ, но, заикаясь, выдѣлывалъ такія гримасы, что нужно было всей силы воли, чтобы удержаться отъ смѣха. Аткинсонъ былъ чловѣкъ образованный и очень любезный, старенькій, маленькій, худенькій, вертлявый. Фріофъ, съ выраженіемъ въ лицѣ испуганной птицы, былъ очень комическая фигура. Онъ имѣлъ страсть разговаривать съ приходившими по-французски, а говорилъ презабавно. Однажды, подавая мнѣ книгу изъ «Occulta», не преминулъ онъ прочитать мнѣ мораль о вредности подобнаго чтенія: «Vous êtes un jeune homme (говорилъ онъ съ сильнымъ скандинавскимъ акцентомъ), et moi je suis un vieux médecin; croyez moi c'est de mauvaises nourissons, (вѣроятно nourritures) pour l'esprit que vos livres, vous vous abimerez le système nerveux, et.....» Это et, вѣроятно значило, что, по его прогностику, я съ ума сойду. Бѣдный Фріофъ! онъ во время моихъ посѣщеній библіотеки погибъ трагическою смертью. Шелъ въ должность и, переходя чрезъ Садовую, былъ опрокинутъ наѣхавшею каретою и убитъ на мѣстѣ.

Читателей въ Библіотекѣ было очень мало, такъ мало, что не болѣе трехъ. Эти трое были: священникъ Брасевичъ, настоятель сосѣдней Малтійской католической капеллы; онъ читалъ фоліанты Барониуса: «Жизнеописанія папъ»; купчикъ, отыскивавшій въ старыхъ газетахъ какаго-то объявленія, и я. Купчикъ, нашелъ-ли или не нашелъ искомое, но пересталъ являться; Брасевичъ приходилъ не каждый день, такъ что чаще всего читалъ

я одинъ. Нельзя было не посѣтовать внутренно на такое безучастіе общества къ сокровищамъ, такъ легко доступнымъ. Но не то-ли было въ то время и съ народнымъ образованіемъ? Сколько тогда было студентовъ въ университетѣ? Не завелась еще мода, чтобы изъ высшихъ сословій и изъ достаточныхъ классовъ отдавать сыновей въ университетъ, хотя и существовало уже постановленіе, требовавшее экзаменовъ для нѣкоторыхъ отраслей службы и для достиженія извѣстныхъ чиновъ. Только въ послѣдствіи стали прибывать студенты на такіе курсы, которые до того имѣли слушателей немногимъ болѣе числа читавшихъ въ Публичной Библіотекѣ.

Я все это время много работалъ надъ изученіемъ русскаго языка и, къ счастью, нашлось не мало книгъ на этомъ языкѣ, совпадавшихъ съ преобладающимъ у меня вкусомъ. Это было время, когда мистицизмъ въ Петербургѣ былъ въ своемъ апогее. Почти всѣ сочиненія Эккартсгаузена, Шиллинга, Штиллинга, Сен-Мартена и др. были прекрасно переведены. Главнымъ дѣятелемъ былъ Лабзинъ, подписывавшійся У. М. (ученикъ мудрости). Книги эти были въ послѣдствіи запрещены, кажется, по настоянію Магницкаго.

Вообще интеллектуальность въ Петербургѣ была въ застоѣ: выходили только официальные и полуофициальные газеты; неофициальная ихъ часть состояла подъ строгою ценсурой. Да выходили, сколько помнится, «Сѣверный Архивъ», издаваемый Гречемъ и Булгаринымъ, «Отечественныя Записки» — Свинына, «Благонамѣренный» — Измайлова. Въ послѣдствіи только Булгаринъ, ѣздившій за этимъ нарочно въ Грузино, выпросилъ у гр. Арачьева позволеніе на свою «Сѣверную Пчелу», и, чтобы ни говорили, это изданіе имѣло для своего времени истинное достоинство; оно одно выполняло хотя нѣкоторыя условія самостоятельной (?), независимой (?) газеты. Литература наслаждалась пріятной дремотою; Крыловъ и Карамзинъ почивали уже на лаврахъ; монополія Парнасса оставалась безъ соперника за Жуковскимъ.

Были двѣ академіи: Россійская и Академія Наукъ. Въ обѣихъ царствовало невозмутимое затишье. Первая, по примѣру Французской Академіи, занималась составленіемъ «Словаря русскаго языка». О значеніи ея въ литературѣ можно имѣть понятіе изъ того, что самымъ дѣятельнѣйшимъ изъ ея членовъ былъ извѣст-

ный гр. Д. И. Хвостовъ, безпрестанно производившій, печатавшій и самъ по книжнымъ лавкамъ скупавшій свои стихотворенія.

Предсѣдатель ея, адмиралъ А. С. Шишковъ, и стѣзжавшіеся у него члены исключительно занимались этимологическими (корнесловными) изслѣдованіями, имѣвшими цѣлью доказать, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ явное противорѣчіе главному положенію, они усиливались вкрадшіяся въ языкъ иностранныя слова замѣнить чисто-русскими, въ родѣ шароката, мокроступовъ и тихоступовъ. Въ этихъ ученыхъ собраніяхъ извѣстныя шутки Костенецкаго: *cabinet* (какъ бы нѣтъ), *domestique* (домъ мести), *Gnupiter*... и т. п. принимались за наличныя деньги. Академія Наукъ издавала на французскомъ языкѣ тощій бюллетень (*Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg*), мало извѣстный въ европейскомъ ученомъ мірѣ.

Объ этой корпораціи, уже въ уваровское время, рассказывали слѣдующій анекдотъ. Предсѣдатель спросилъ разъ Непремѣннаго Секретаря, имѣются-ли какія сообщенія отъ иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ? Оказалось, что давно уже никто ничего не присылалъ. Графъ Уваровъ разсердился и приказалъ послать циркуляръ, напоминавшій такимъ членамъ ихъ обязанности съ предостереженіемъ, что тотъ, кто и затѣмъ не пришлетъ ничего изъ своихъ ученыхъ трудовъ, будетъ исключенъ изъ списковъ. Это было въ самый разгаръ карбонаризма и нѣмецкихъ тугендбундовъ. На циркуляръ никто изъ французскихъ и англійскихъ корреспондентовъ не отвѣчалъ; только одинъ нѣмецкій ученый прислалъ слѣдующій отзывъ: «какъ тайныя общества запрещены закономъ и я далъ своему правительству обѣщаніе не участвовать ни въ какомъ изъ нихъ, ни въ Германіи, ни за границей, то я буду очень обязанъ Петербургской Академіи Наукъ, когда она исключитъ меня изъ числа своихъ членовъ».

Впослѣдствіи обѣ эти Академіи соединены въ одну, подъ названіемъ «Академіи Наукъ», раздѣленной на два отдѣленія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О. А. Пржецлавскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

1818—1831.

IV.¹⁾

Еще до окончательнаго рѣшенія моего дѣла въ Сенатѣ, находившійся тогда въ Петербургѣ, бывшій мой опекунъ Войцехъ Пусловскій сталъ уговаривать меня вступить въ службу. Я послушался его, и хорошій его знакомый, М. К. Михайловъ, опредѣлилъ меня 24-го февраля 1824 г. въ число канцелярскихъ чиновниковъ тогдашней канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, директоромъ которой онъ былъ. Это была пріятная служба. Михаилъ Кузьмичъ былъ умный, образованный и очень добрый человекъ. Чрезъ два мѣсяца послѣ моего опредѣленія я получилъ штатное мѣсто младшаго помощника столоначальника. Я началъ службу при князѣ Кочубеѣ, но вскорѣ онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, а на его мѣсто поступилъ управляющимъ министерствомъ Василій Сергѣевичъ Ланской, бывшій нѣкогда гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ, другъ Пусловскаго, князя Любецкаго и моего покойнаго отца.

Кругъ дѣйствія этого министерства значительно разнствовалъ отъ теперешняго. Въ министерствѣ былъ департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, одна часть котораго, собственно хозяйственная, входитъ теперь въ составъ министерства государственныхъ имуществъ; другая, строительная, состав-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 451—478.

ляетъ отдѣльное управленіе. Сверхъ того была такъ-называемая особенная канцелярія; она состояла изъ двухъ частей: одна была тайная полиція (впослѣдствіи преобразованная въ III-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи), а другая—цензура иностранныхъ книгъ и театральныхъ пьесъ.

Канцелярія (переорганизованная впослѣдствіи въ департаментъ общихъ дѣлъ) состояла изъ трехъ отдѣленій. Первое было собственно то, что во французскихъ министерствахъ называется «Vice-reau central». На немъ лежало распредѣленіе по департаментамъ входящихъ бумагъ и записка ихъ въ отдѣльные реэстры, для чего было нѣсколько помощниковъ секретарей; при этомъ отдѣленіи состояла бухгалтерія и сверхъ того поручалось производство разныхъ дѣлъ, не относящихся прямо ни къ какому департаменту, какъ-то: дѣла о новомъ устройствѣ крестьянъ Остзейскихъ губерній, дѣла о членахъ бывшихъ владѣтельныхъ князей Кавказскаго края, а впослѣдствіи и дѣла калмыцкія. Второе отдѣленіе производило дѣла по выборамъ дворянскимъ и городскимъ, а третье составляло то, что называютъ «герольдіею министерства», то есть, въ чемъ производились дѣла объ опредѣленіи, назначеніи, повышеніи и увольненіи служащихъ по его вѣдомству и веденіи ихъ послужныхъ списковъ.

Для движенія дѣлъ принята была слѣдующая процедура: всѣ бумаги, поступившія въ теченіе дня на имя министра въ дежурство канцеляріи, на другой день, раннимъ утромъ, отвозились къ министру и отдавались дежурному у него чиновнику, который долженъ былъ быть тамъ часу въ девятомъ. Тутъ, до выхода еще министра въ кабинетъ, пріѣзжалъ начальникъ 3-го отдѣленія канцеляріи, Н. С. Кожуховъ, (впослѣдствіи московскій почтѣ-директоръ). Онъ распечатывалъ тюкъ съ бумагами, отбиралъ тѣ, которыя требовали немедленнаго доклада министру, а также бумаги, слѣдовавшія въ особенную канцелярію, но требовавшія особой тайны. Послѣднія записывалъ въ реэстръ, хранившійся у министра. Послѣ доклада и надписанія министерскихъ резолюцій бумаги отдавались дежурному для отправленія въ канцелярію. Тѣ же, которыя были отобраны и записаны въ реэстръ самимъ Кожуховымъ, запечатывались его печатью и адресовались прямо въ особую канцелярію. Тогда выходилъ въ дежурную комнату министр и отправлялъ дежурнаго, а самъ обыкновенно уѣзжалъ.

На дежурство у министра назначались чиновники канцелярій; для этого требовались нѣкоторыя условія, въ томъ числѣ были: фракъ и знаніе хотя одного иностраннаго языка, дабы разговариваться съ приходившими иностранцами. Насъ, чиновниковъ соединяющихъ эти условія, было всего трое. Потомъ, когда одинъ выбылъ, а другой заболѣлъ, то мнѣ приходилось быть безсмѣннымъ дежурнымъ и это продолжалось до назначенія меня столоначальникомъ.

Я первоначально не былъ причисленъ ни къ какому отдѣленію. Отъ директора было мнѣ поручено вести исходящій журналъ, то-есть вписывать цѣликомъ въ книгу исходящія бумаги. Порядокъ этотъ впослѣдствіи былъ отмѣненъ; эта работа какъ ни казалась механическою, имѣла однако-жъ послѣдствіемъ то, что начинающаго чиновника ознакомляла съ манерою редакціи официальныхъ бумагъ, и она была не безъ пользы для меня, хотя впрочемъ я къ этому былъ уже подготовленъ прежнею службою. Затѣмъ директоръ отдалъ меня въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія и я работалъ подъ руководствомъ О. А. Грибко. Вскорѣ однако-жъ открылось для меня поле дѣятельности, которую я продолжалъ уже и до самого выхода изъ министерства.

Кочующія въ Астраханской губерніи Калмыки состояли въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но по поводу ихъ, между главноуправлявшимъ въ Грузіи, Астраханской губерніи и Кавказской области генераломъ Ермоловымъ и графомъ Несельроде, вышло какое-то сильное недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго Ермоловъ ходатайствовалъ у государя о передачѣ Калмыковъ и всѣхъ производящихся о нихъ дѣлъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Это было исполнено, и множество объемистыхъ томовъ было привезено въ нашу канцелярію и сдано въ 1-е отдѣленіе. Мнѣ поручено было заняться ими спеціально, подъ руководствомъ начальника отдѣленія. Многія изъ этихъ дѣлъ оказались съ давняго времени нерѣшенными, остановившимися производствомъ неизвѣстно почему. По распоряженію директора, всѣмъ имъ данъ былъ надлежащій ходъ. Вскорѣ потомъ, по инициативѣ генерала Ермолова, вышло новое «Положеніе объ управленіи Калмыцкимъ народомъ», учрежденъ народный судъ «Зарго» и дѣла ихъ приняли правильное теченіе.

Послѣ двухъ лѣтъ скучныхъ занятій дѣлами варваровъ я былъ назначенъ столоначальникомъ. Это былъ первый примѣръ, гдѣ обойдена одна ступень іерархической лѣстницы. Этотъ прыжокъ произвелъ сенсацію. Я упоминаю здѣсь объ немъ потому, что онъ послужилъ прецедентомъ на пути къ одной блестящей карьерѣ. Служившіе въ канцеляріи два брата Войцеховичи, по этому прецеденту, также изъ младшихъ помощниковъ, поступили въ столоначальники. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Ивановичъ, теперь членомъ государственнаго совѣта.

Подъ вліяніемъ благодушнаго Василя Сергѣевича, отражавшимся и на непосредственныхъ начальникахъ, служилось спокойно и пріятно. Тутъ еще разъ доказывалась та истина, что такой образъ дѣйствія болѣе способенъ возбудить въ подчиненныхъ усердную старательность, чѣмъ строгости и взысканія.

Дѣла въ государствѣ по нашему вѣдомству шли, повидимому, хорошо. При существованіи крѣпостнаго права, быть болѣе 20-ти милліоновъ населенія составлялъ особую статью, изъятую, кромѣ исключительныхъ крайнихъ случаевъ, отъ прямого вмѣшательства правительства. По прочимъ статьямъ управленія «все обстояло благополучно». Наши представленія въ комитетъ министровъ и въ государственный совѣтъ утверждались безъ измѣненія и даже, въ отсутствіе государя, бывшаго гдѣ-нибудь на отдаленномъ конгрессѣ, высочайшія резолюціи чрезъ два-три дня объявлялись графомъ Аракчеевымъ.

Маленькіе эпизоды разнообразили иногда монотоніе каждодневныхъ занятій. Расскажу два изъ нихъ.

За спасеніе людей, которымъ угрожала смерть отъ несчастныхъ случаевъ, раздавались отъ нашего министерства, съ высочайшаго разрѣшенія, золотыя и серебрянныя медали на анненской (кажется) лентѣ, съ надписью: «за спасеніе человѣчества». Въ моемъ отдѣленіи только что получена была такая медаль для отправленія кому-то въ провинцію. Разматривая ее съ другимъ чиновникомъ, я сказалъ: «вотъ медаль, которую слѣдовало-бы дать не простому смертному, а Іисусу Христу». Я не видѣлъ, что за мною стоитъ директоръ. Онъ спросилъ: «что вы сказали?» Я повторилъ мои слова и прибавилъ, что объ одномъ сынѣ Божіемъ можно сказать, что онъ «спасъ человѣчество». Михайловъ ничего не сказалъ. Но мое замѣчаніе подѣйствовало на него; онъ

переговорилъ объ этомъ съ министромъ и сдѣлано было, по порядку, представленіе, вслѣдствіе котораго надпись измѣнена и вмѣсто прежней, выдаются теперь медали съ надписью: «за спасеніе погибавшихъ».

Другой эпизодъ случился въ мое дежурство у министра.

Въ Петербургѣ разнесся слухъ о какой-то Турчаниновой. Рассказывали, что она излечиваетъ всякіе тѣлесные недостатки безъ другихъ ортопедическихъ приборовъ, кромѣ досокъ, лѣстницъ и деревянныхъ молотовъ, и ихъ употребляетъ по указаніямъ самихъ же больныхъ, которыхъ для этого магнитизируетъ глазами. Въ дальней Коломнѣ, въ деревянномъ домѣ, она устроила родъ лазарета, гдѣ у ней жили и были пользуетъ десятки горбатыхъ, кривобокихъ, кривоногихъ и т. п., дѣтей обоего пола. Генераль-штабъ докторъ гражданской части, С. Θ. Гаевскій, докладывалъ министру, что какъ г-жа Турчанинова не имѣетъ ни права, ни законнаго дозволенія лечить, то слѣдуетъ заведеніе ея закрыть, или, по крайней мѣрѣ, строго освидѣтельствовать. Министръ, самъ извѣстный *esprit fort*, не вѣрилъ дошедшимъ и до него слухамъ о магическомъ леченіи, но не рѣшался на какую-нибудь крутую мѣру наиболѣе потому, что Турчаниновой вполнѣ вѣрилъ и покровительствовалъ всѣми уважаемый, достойный членъ государственнаго совѣта, адмиралъ Мордвиновъ. Но такъ какъ Гаевскій настаивалъ, то Василій Сергѣевичъ сказалъ: «погодите, Семенъ Ѳеодоровичъ, распоряжаться, для этого будетъ время. А вотъ я самъ посмотрю, не официально, а какъ частное лицо и дамъ вамъ отчетъ. Сеансы у ней почти публичны; начинаются въ 12 часовъ, теперь самое время». Онъ велѣлъ подать карету и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ, сказавъ: «я хочу узнать твои впечатлѣнія; только прошу, не увлекайся своими учеными предубѣжденіями противъ всего, что не научное». Я обѣщалъ, что буду судить по совѣсти, какъ англійскій присяжный въ уголовномъ дѣлѣ.

Мы пріѣхали; пройдя первую комнату, гдѣ стояли и лежали разные деревянные инструменты, мы вошли въ большую залу, гдѣ практиковалось леченіе. Ланской сказалъ свое имя, отрекомендовался, какъ пріятель Мордвинова и представилъ меня. Турчанинова приняла насъ свысока. Она была женщина лѣтъ около сорока, сильная брюнетка, съ некрасивымъ, суровымъ лицомъ. И выраженіе это, и пріемы, и все въ ея наружности видимо раз-

считано было на эффектъ. Она сидѣла одна на красномъ диванѣ прямая и неподвижная; на ней было черное шерстяное платье, на головѣ красная шапочка, изъ-подъ которой густые и длинные волосы, черные какъ смоль, были распущены по плечамъ. Большіе, черные, блестящіе ея глаза подтверждали нѣкоторымъ образомъ молву о ихъ магнитической силѣ. Она усадила Василя Сергѣевича въ креслѣ подлѣ себя; я усѣлся въ почтительномъ отдаленіи. Кромѣ насъ были въ комнатѣ три или четыре дамы, вѣроятно матери больныхъ дѣтей и какой-то господинъ. Представленіе началось. Въ открывшуюся дверь смежной комнаты вошелъ горбатенькій мальчикъ и подошелъ прямо къ волшебницѣ. Она, взявъ его за руки, велѣла открыть глаза и устремила на нихъ свой пристальный взоръ. Послѣ двухъ — трехъ минутъ, спросила: «что сегодня?» Мальчикъ отвѣчалъ: «двѣнадцать». Турчанинова позвонила, вошелъ человѣкъ, родъ лакея, съ деревяннымъ молотомъ и отсчиталъ бѣдному мальчику дюжину довольно полновѣсныхъ по горбу ударовъ, которые, какъ казалось, не только не причиняли боли, а напротивъ, доставляли ребенку пріятное ощущеніе. За мальчикомъ пришла дѣвочка съ кривой ногой и послѣ намагнитизированія глазами, велѣла вытягивать и выпрямлять себѣ ногу. Наконецъ принесли на доскѣ маленькаго, четырехъ или пятилѣтняго, барона Дризена. Этотъ ребенокъ былъ совсѣмъ безъ костей. спиной онъ лежалъ на доскѣ, а его ручки и ножки висѣли по обѣ стороны и болтались какъ тряпки. По вдохновенію глазъ Турчаниновой, онъ велѣлъ себя подкидывать на доскѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, волшебница спросила: «что ты чувствуешь?» Мальчикъ подумалъ немного, потомъ, какъ бы припоминая, торопливо сказалъ: «спинная кость расправляется». Эта фраза, произнесенная ребенкомъ, была такимъ явно заученнымъ урокомъ, что министръ посмотрѣлъ на меня съ улыбкою; онъ тутъ же всталъ и простился. Въ каретѣ онъ сказалъ: «Какая комедія! не правда-ли? да и плохо разыгранная. Скажу Гаевскому, пусть дѣлаетъ какъ знаетъ».

Вскорѣ потомъ заведеніе Турчаниновой было закрыто и она сама переѣхала въ Москву.

V.

Вечеръ 6-го ноябрю 1824 г. я провелъ на балѣ въ одномъ домѣ у Семеновскаго моста, гдѣ пробылъ до поздней ночи. Возвращаться домой было далеко, мы жили тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ Коммерческаго общества, на углу Замятина переулка. Дулъ очень сильный сѣверо-западный вѣтеръ; онъ то нагонялъ, то разрывалъ и разгонялъ темныя осеннія тучи, такъ что звѣздное небо по-минутно то прояснялось, то опять затемнялось. Проѣзжая чрезъ Екатерининскій каналъ и Мойку, я замѣтилъ, что вода стоитъ необыкновенно высоко. Имѣя спѣшную работу, я, на другой день, собрался рано ѣхать въ канцелярію, которая была въ домѣ Галопевской, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста. Ровно въ 9-ть часовъ я съ портфелемъ вышелъ чрезъ нашъ дворъ на набережную, думая найти тамъ извозчика. Но, взглянувъ на Неву, я остановился, пораженный неожиданнымъ, ужасающимъ зрѣлищемъ. Вся набережная, по самыя края гранитныхъ плитъ парапета, была полна, какъ полный сосудъ, и вода брызгала уже чрезъ край на троттуары. Рѣка, какъ глазомъ завидѣть, состояла изъ бѣлоснѣжной пѣны, по которой неслись и кружились сотни разныхъ судовъ, множество сѣна и дровъ изъ разбитыхъ барокъ. Исаакіевскаго флаушкотнаго моста не было и слѣда. На улицахъ изъ водосточныхъ трубъ били фонтаны. Нельзя было и подумать ѣхать куда нибудь. Я насилу пробрался домой чрезъ дворъ, на-половину уже залитый водою изъ подземной трубы. Между тѣмъ одинъ, гостившій у насъ, пріѣзжій изъ провинціи, видя что дѣлается, успѣлъ сбѣгать въ булочную и колбасную и возвратился съ запасомъ провизіи дня, по крайней мѣрѣ, на четыре.

Я не стану описывать подробностей наводненія 7-го ноября, довольно всѣмъ извѣстныхъ, но расскажу одинъ эпизодъ этого страшнаго дня, происходившій въ нашемъ домѣ. Въ немъ, съ Замятина переулка, ведущаго къ Невѣ, въ нижнемъ этажѣ, возвышавшемся надъ уровнемъ улицы едва на нѣсколько ступеней, была большая зала. Тамъ въ послѣднее время учредили бесплатную Ланкастерскую школу взаимнаго обученія, для чего и застроили всю залу скамейками, возвышавшимися амфитеатромъ

почти до самаго потолка. Тутъ обучалось много дѣтей обоого пола. Уроки начинались очень рано, такъ что въ день наводненія всѣ дѣти были уже на-лицо, когда Нева начала выступать изъ береговъ. Изъ родителей этихъ дѣтей нашлась всего одна мать настолько умная, что около 9-ти часовъ заѣхала въ училище и увезла свое дитя. Всѣ прочіе остались одни, такъ какъ никто изъ учителей не пришелъ. Въ половинѣ 10-го часа переулокъ былъ уже залитъ и вскорѣ вода стала пробираться въ залу. Къ счастью были скамейки, постепенно возвышающіяся, и дѣти спасались на нихъ по мѣрѣ того, какъ вода возвышалась. Вода, какъ извѣстно, съ девяти часовъ утра постоянно прибывала до 2-хъ часовъ пополудни и весь Петербургъ былъ въ паническомъ страхѣ; никто не могъ предвидѣть, когда и на чемъ прибыль остановится. Въ Галерной улицѣ и въ переулкѣ вода достигла высоты порядочнаго человѣческаго роста. Дѣти, собравшіеся на верхнихъ скамейкахъ, вели себя сначала смирно и мы въ домѣ даже не знали, что они тутъ. Но, послѣ полудня, когда вода не переставала возвышаться, страхъ и голодъ заставили дѣтей сперва плакать, потомъ отчаянно кричать. Хотя мы жили безъ всякаго сообщенія съ залой со стороны Галерной, но вопли несчастныхъ дѣтей, сквозь толстыя стѣны, слышались во всемъ домѣ. Это было невыразимо грустно, можно было думать, что дѣти тонуть и взываютъ о помощи, а подать ее не было никакой возможности. Мудрый законъ Петра I, требующій, что-бы во всѣхъ домахъ были лодки, по славянской безпечности обветшалъ и ни въ одномъ домѣ лодки не было. Жалобный, раздирающій душу, хоръ на минуту умолкалъ, потомъ возобновлялся съ новой силой и это продолжалось цѣлый день. Въ два часа пополудни вода пошла на убыль; она шибко понижалась и къ 6-ти часамъ улицы были уже свободны отъ воды. Тогда только отцы и матери стали съѣзжаться и развезли дѣтей по домамъ. Если-бы въ домахъ были лодки, то родители, конечно, явились бы ранѣе.

Наводненіе 7-го ноября 1824 года было явленіе исключительное, а въ лѣтописяхъ мѣстной навигаціи—единственное. Сѣверо-западный вѣтеръ, остановившій теченіе Невы, дулъ постоянно и съ одинаковою силою цѣлыхъ 12-ть часовъ по одному румбу, безъ малѣйшаго уклоненія. Какъ только онъ своротилъ немного къ сѣверу, то вода стала шибко убывать. Замѣчательно,

что извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, дѣлали тайну изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Это довольно характеризуетъ время. Только чрезъ годъ позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія и немного ранѣе графъ Хвостовъ воспѣвалъ ихъ въ напечатанномъ диѳирамбѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, какъ тогда

.....«свирѣпствовали Борей,
И сколько въ этотъ день погибло лошадей!..
И представлялась страшная картина, какъ:
.....«по стогнамъ валялось много кравъ,
Кои лежали тамъ ноги кверху вздравъ».

VI.

Были послѣдніе мѣсяцы 1825 года. Императоръ Александръ I находился въ Таганрогѣ; болѣзнь его сильно тревожила столичное общество, какъ вдругъ получено горестное извѣстіе о кончинѣ Благословеннаго. Насъ, служащихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, къ вѣрноподданнической присягѣ сперва Константину Павловичу, потомъ, чрезъ 19-ть дней, Николаю Павловичу, приводилъ сенаторъ Лавровъ. Мы не знали, что онъ принадлежитъ къ нашему вѣдомству и впослѣдствіи только оказалось, что Лавровъ завѣдываетъ особою секретною частію. Между тѣмъ, министерству стало извѣстно объ открытомъ на югѣ въ арміи и широко развѣтвленномъ заговорѣ. Усилилась дѣятельность особенной канцеляріи и начальникъ ея, Максимъ Яковлевичъ фонъ-Фокъ, сталъ почти каждый день ѣздить съ докладами къ министру, часто также бывалъ и Лавровъ.

Наступило роковое 14-е декабря. Я былъ уже въ канцеляріи, когда развозившій пакеты курьеръ, возвратившись, сказалъ, что на Сенатской площади «солдаты и офицеры бунтуютъ». Былъ одиннадцатый часъ. Я немедленно отправился къ Адмиралтейству, мнѣ хотѣлось посмотреть, что такое «революція». Я нашелъ дѣло въ слѣдующемъ положеніи. Начиная съ Большой Милліонной, на Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ, до самаго забора строившейся тогда Исаакіевской церкви, очень близко подходившаго къ углу Адмиралтейскаго бульвара, толпились десятки тысячъ вѣрноподданнаго народа; имъ была занята и главная сто-

рона бульвара, та, отъ которой расходятся три главныя улицы Петербурга. На правой же, выходящей на Сенатскую площадь, стоялъ уже народъ сочувствовавшій бунтовщикамъ, самъ не зная почему. Въ проѣздѣ между заборомъ и угломъ бульвара, на которомъ я стоялъ, выстроенъ былъ дивизионъ Кавалергардскаго полка и я разговаривалъ съ знакомыми офицерами. Вокругъ памятника Петра I и далѣе, вдоль забора къ Конногвардейскому манежу, толпились возмущившіеся полки и баталіоны. Все остальное пространство до Невы и вся Нева, между сенатомъ и адмиралтействомъ, занята была народомъ, безсознательно волнующимся. Все это неистово кричало: крикъ этотъ своего рода имѣлъ что-то дико-характеристическое. Онъ долго оставался у меня въ памяти и, повторяясь въ сонныхъ кошмарахъ, придавалъ имъ невыразимый ужасъ. Я нѣсколько былъ обманутъ въ моихъ ожиданіяхъ; я воображалъ, что «революція» это движеніе, да она всегда имъ и отличалась; здѣсь же, напротивъ, все—и войска и народъ—стояло неподвижно и такъ простояло съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни. Издали только видно было нѣсколько личностей и въ мундирахъ и въ городскомъ платьѣ, расхаживавшихъ впереди солдатъ и декламировавшихъ съ обнаженными саблями. Издали также слышались выстрѣлы, одинъ, убившій Милорадовича, другой, направленный, къ счастью неудачно, въ великаго князя Михаила Павловича. У монумента откуда-то взялся цѣлый возъ дровъ и съ моего угла видно было, какъ полѣнья полетѣли въ стараго генерала Воинова, который пріѣзжалъ уговаривать мятежниковъ; онъ едва живъ остался. Мимо меня, сквозь дивизионъ кавалергардовъ, проѣзжалъ для такого-жъ увѣщеванія петербургскій митрополитъ съ двумя генералами, въ лептахъ, на запяткахъ. Высокопреосвященный не далеко заѣхалъ на площадь; толпа солдатъ бросилась ему на встрѣчу, остановила экипажъ и сказала: «убирайтесь батюшка, не ваше дѣло», поворотила лошадей.

Когда началась исторія, температура была нуль по Реомюру, самая благопріятная для зимнихъ возмущеній. Ничто лучше не унимаетъ жаръ революціонныхъ порывовъ, какъ хорошій морозъ, еще, если можно, съ сѣвернымъ вѣтромъ. На термометрѣ Реомюра, при 15-мъ градусѣ ниже нуля, можно бы съ полнымъ основаніемъ поставить надпись: «Замерзаніе революцій». Въ теченіе дня, 14-го декабря 1825 г., температура стала довольно быстро по-

нижаться, а въ 4-мъ часу пополудни доходила уже до 10° мороза. Былъ и вѣтеръ; становилось холодно; еще какой-нибудь часъ—и все, вѣроятно, кончилось бы тѣмъ, что рьяные революціонеры разошлись бы погрѣться. Но какъ они, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, продолжали стоять и неистово кричать, то, дабы покончить съ ними предъ ночью, призвана была артиллерія. Четыре пушки, изъ числа привезенныхъ Сухозанетомъ, поставлены были на бульварѣ, противъ толпы бунтовщиковъ. Слышно было, что приказано выстрѣлить холостыми зарядами. Но когда послѣ перваго залпа въ толпѣ мятежниковъ раздался хохотъ и было опасеніе, что въ такомъ близкомъ разстояніи солдаты могутъ броситься къ бульвару и овладѣть пушками, тогда императоръ приказалъ открыть пальбу орудіями по порядку, картечью. Послѣ третьяго выстрѣла, когда упало нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ, все было кончено.¹⁾ Площадь представила какой-то хаосъ. Масса войскъ и народа пришла въ движеніе, всѣ стали спасаться бѣгствомъ, толкаясь и кувыркаясь на обледѣвшей мостовой. Одни направились къ Невѣ, другіе—къ Морской и Галерной; толпа, стоявшая на Невѣ, тронулась также во всѣ стороны. Между тѣмъ пушки гремѣли, сперва сыпалась на бѣжавшихъ картечь, потомъ, по Галерной и по Невѣ стали стрѣлять ядрами. Въ какую-нибудь четверть часа площадь и Нева совершенно опустѣли; наступила ночь, войска стали бивуаками, освѣщаемыя пылающими кострами. Я возвратился домой порядочно озябшій и проголодавшійся, но довольный тѣмъ, что видѣлъ до конца всѣ перепитіи «стоячей» революціи.

Съ слѣдующаго дня началось для жителей Петербурга тревожное состояніе. Правительство знало гдѣ былъ главный центръ заговора, а также и то, что много единомышленниковъ находилось въ Петербургѣ, но не всѣ развѣтвленія и не всѣ личности были извѣстны. Къ тому же, изъ офицеровъ и статскихъ, бывшихъ въ толпѣ мятежниковъ на Сенатской площади, многіе скрылись, а какъ навигаціи не было и зимою трудно было далеко уѣзжать, то и предполагалось, что если не всѣ, то большинство ихъ скрывается въ столицѣ. Для поисковъ за ними, въ городѣ и окрестностяхъ, упо-

¹⁾ См. рассказъ о 14-мъ декабрѣ 1825 г. генерала Сухозанета въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 361—370.

треблены были всѣ средства тайной полиціи. Всѣ агенты, состоявшіе при особой канцеляріи и при военномъ генераль-губернаторѣ, были въ дѣлѣ. Это имѣло своего рода неудобство; всѣ, лично неизвѣстные этимъ господамъ, особенно молодые люди, были предметомъ ихъ наблюденій въ публичныхъ мѣстахъ. Когда вамъ случалось пить кофе въ кондитерской или обѣдать въ ресторанѣ, то непременно передъ вами сновалъ какой-то незнакомецъ, пристально вглядывался въ вашу физіономію, потомъ уходилъ въ другую комнату, вынималъ изъ кармана бумагу и, повидимому, повѣрялъ ваши примѣты съ тѣмъ, что у него было записано. Въ театрѣ, даже въ церкви, вы встрѣчали зоркіе глаза, слѣдящіе за вами. Къ штатнымъ агентамъ присоединилось еще не мало дилетантовъ, и они-то были самыя назойливыя, а при томъ и самыя неискусныя ищѣйки. Но, слѣдуя правилу Талейрана: «*Pas trop de zèle*», они дѣлали вообще презабавные quid-pro-quo, только вовсе незабавные для тѣхъ, которые были ихъ предметомъ. Изъ нѣсколькихъ, мнѣ извѣстныхъ, промаховъ приведу здѣсь одинъ.

Изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади и изъ другихъ не бывшихъ тамъ заговорщиковъ, почти всѣ, въ городѣ, въ окрестностяхъ и въ Кронштадтѣ, были уже пойманы, но нельзя было нигдѣ отыскать извѣстнаго литератора Кюхельбекера. Его искали съ усиленною настойчивостью. Кюхельбекеръ былъ необыкновенно высокаго роста и это-то было причиной слѣдующей трагико-комической невзгоды.

Мы съ моимъ пріятелемъ не имѣли своей кухни и обѣдывали въ разныхъ ресторанахъ. Но около описываемаго времени мы нашли себѣ очень порядочный хозяйскій столъ въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Насъ собиралось человѣкъ 10 — 12. Къ нашей компаніи прибылъ, по рекомендаціи, послѣ уже 14-го декабря, нѣкто г. И. Онъ былъ смиренный и молчаливый, замѣчательный лишь по очень высокому росту. Разъ, когда онъ обѣдалъ за общимъ столомъ, вызвали хозяина. Чрезъ минуту хозяинъ возвратился разстроенный и попросилъ въ первую комнату г. И., который даже не кончилъ обѣдать. Выглянувши за нимъ, мы увидѣли полицейскаго офицера и какого-то толстаго господина. Они увели съ собой нашего сотрапезника, и вотъ что мы узнали отъ него, когда онъ,

замѣтно похудѣвшій, возвратился къ намъ чрезъ недѣлю. Въ день заарестованія онъ шелъ преспокойно обѣдать, когда рыскавшій по городу въ поискахъ за Кюхельбекеромъ одинъ изъ дилетантовъ-шпіоновъ, отставной полковникъ Л., увидѣлъ его сзади, и по его росту вообразилъ себѣ, что это Кюхельбекеръ. Замѣтивъ домъ, куда зашелъ И., онъ обратился къ первому попавшемуся полицейскому офицеру и потребовалъ его содѣйствія для заарестованія государственнаго преступника. Бѣднаго И. отвели прямо къ военному генераль-губернатору. Напрасно испуганный чиновникъ департамента податей и сборовъ протестовалъ, указывая на свое мѣсто служенія, гдѣ можно удостовѣриться о его самоличности, напрасно у генераль-губернатора замѣтили, что Кюхельбекеръ имѣлъ не такіе волосы, которые у И. были черные какъ смоль; приведшій его Л. не хотѣлъ ничего слышать, увѣряя, что лично знаетъ Кюхельбекера, и что онъ только выкрасилъ себѣ волосы. Трудно повѣрить, но это фактъ, что несчастнаго И. заперли въ ожиданіи, что онъ полиняетъ, мыли ему голову разными спеціями, а между тѣмъ ожидался отвѣтъ на отношеніе объ немъ въ упомянутый департаментъ. Но наконецъ, видя, что онъ упорно остается брюнетомъ и получивъ отзывъ изъ мѣста его служенія, его выпустили.

Читая официальный отчетъ о заговорѣ, разрѣшившемся преступною вспышкою 14-го декабря, нельзя не замѣтить одной, почти необъяснимой странности. Для открытія злоумышленій, нужны были свѣдѣнія, собранныя на югѣ графомъ Виттомъ, показанія Майбороды и Шервуда, тогда какъ заговоръ долженъ былъ быть гораздо ранѣе обнаруженъ тайною полиціею, особенно состоявшею при петербургскомъ военномъ генераль-губернаторѣ. Задолго до катастрофы, злоумышленники были постоянно въ движеніи, многіе безпрестанно то пріѣзжали въ Петербургъ, то уѣзжали. Кромѣ того, какъ было не обратить вниманія на то, что они собирались сотнями на совѣщанія у Рылѣва и другихъ соучастниковъ, какъ было не развѣдать, что значили эти сборища? По масонству я познакомился съ начальникомъ тайной полиціи при графѣ Милорадовичѣ. Это былъ Фогель, повидимому іерусалимскій дворянинъ, очень приличный господинъ, и, какъ было слышно, мастеръ своего дѣла. Встрѣтивъ его послѣ 14-го декабря, я задалъ ему вопросъ по изложенному замѣчанію. Вотъ что Фо-

гель отвѣчалъ: «Если-бы мнѣ было предоставлено право дѣйствовать самому, то я могу поручиться, что во-время напалъ бы на слѣдъ заговора. Но начальство ожидало и болѣе всего опасалось вторженія изъ-за границы въ столицу карбонаризма и крайнихъ революціонныхъ стремленій, развившихся въ Германіи. Мнѣ было приказано неусыпно слѣдить за всѣми иностранцами и за Поляками и каждый день давать отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ. Мы совѣстливо исполняли приказаніе. Намъ извѣстенъ былъ каждый шагъ лицъ, порученныхъ нашему надзору. Я могу рассказать вамъ за цѣлую недѣлю все, что вы дѣлали, гдѣ вы бывали и кто бывалъ у васъ. Результатъ этого наблюденія ничтоженъ; изъ того, чего опасалось правительство, не открыто ничего, все ограничилось высылкою за границу нѣсколькихъ иностранцевъ-шелопаевъ, почему-нибудь подозрительныхъ. Но бывъ такъ заняты, мы не имѣли уже времени ни на что другое; мы гонялись за какимъ-то чужестраннымъ призракомъ, а проглядѣли то, что дѣлалось у насъ дома; преслѣдуя букашекъ, слона-то и не замѣтили. И то сказать, что средства наши скудны. Во Франціи, напримѣръ, на *fonds secrets* отпускаются милліоны, у насъ по этой части соблюдаютъ (въ 1825 г.) экономію.....»

VII.

Для разслѣдованія заговора и всѣхъ его развѣтвленій назначена была коммиссія. Она собиралась въ Петропавловской крѣпости, гдѣ содержались арестованные уже заговорщики. Дѣлопроизводителемъ коммиссіи былъ Д. Н. Блудовъ, впоследствии главноуправлявшій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. На улицахъ Петербурга безпрестанно встрѣчались закрытыя кибитки съ жандармами, отвозившія въ крѣпость, со всѣхъ сторонъ имперіи, новыхъ обвиняемыхъ. Это продолжалось цѣлые мѣсяцы и наводило грустное чувство.

Издано было постановленіе, что-бы всѣ тѣ лица въ имперіи, отъ которыхъ отбирается вѣрноподданническая присяга, представили: служащіе—своимъ начальствамъ, а неслужащіе—начальникамъ губерній, подписки съ обязательствомъ впредь не принадлежать ни къ какому тайному обществу. Если же дающій подписку былъ членомъ какого-нибудь изъ нихъ, то долженъ былъ объяснить цѣль общества и всѣ до него касающіяся подробности.

Онъ обязывался также показать все, что знаетъ о другихъ обществахъ, къ которымъ хотя и не принадлежалъ, но о существованіи которыхъ ему было извѣстно. За малѣйшую утайку по требующимся объясненіямъ, виновный подвергался суду, какъ за государственное преступленіе. Подписки сосредоточивались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, поступали въ I-е отдѣленіе канцеляріи и оттуда передавались уже въ особенную канцелярію. Ихъ поступило нѣсколько сотъ тысячъ. Изъ нихъ открылось, что въ провинціяхъ, кромѣ масонскихъ ложъ, существовало нѣсколько негласныхъ обществъ, имѣющихъ будто бы однѣ—ученую, другія—благотворительную цѣль. Но мы начитались, и не мало, курьезовъ въ подпискахъ мелкихъ уѣздныхъ и губернскихъ чиновниковъ. Побоясь угрозы за утайку, они описывали и такія условленныя встрѣчи и собранія, которыя не имѣли никакого характера тайнаго общества. Изъ болѣе забавныхъ я запомнилъ слѣдующую подписку. Одинъ губернский канцелярскій чиновникъ писалъ: «Мы, канцелярскіе чиновники губернскаго правленія казенной палаты и приказа общественнаго призрѣнія, собирались по воскресеньямъ въ присутственной камерѣ губернскаго правленія. Наша компанія называлась французскій парламентъ. Цѣль состояла въ томъ, что-бы костюмироваться и представлять разныя историческія личности; я былъ Людовикомъ XIV, изъ товарищей одинъ былъ Тюренномъ, другой Вольтеромъ, третій дюкомъ де-Ришелье, и т. д. Каждый старался держать себя и говорить сообразно съ своей ролью. Въ заключеніе мы пили водку и закусывали баранками».

Изъ чиновниковъ нашего министерства я одинъ изъ первыхъ представилъ мою подписку. Въ ней было сказано, что я принадлежалъ къ тайному обществу свободныхъ каменщиковъ (франк-масоновъ), но что ни въ нашихъ дѣйствіяхъ, ни въ обрядахъ не было ничего противнаго религіи, нравственности и вѣрно-подданническому долгу. Я зналъ о существованіи и многихъ другихъ тайныхъ обществъ; кромѣ иностранныхъ, о промѣнникахъ, филаретахъ и филматахъ, въ средѣ студентовъ виленскаго университета; но, не принадлежавъ къ нимъ, не могу ничего объ нихъ сказать.¹⁾

¹⁾ Дѣло о виленскихъ студенческихъ обществахъ тогда уже было окончено и члены ихъ подвергнуты разнымъ взысканіямъ.

Моя подписка сдѣлала необыкновенную сенсацию; оказалось, что во всемъ министерствѣ я одинъ былъ масономъ. И начальники, и товарищи стали смотрѣть на меня, какъ на какое-то таинственное существо, не имѣющее съ ними ничего общаго. Но болѣе всѣхъ моя подписка заинтриговала начальника тайной полиціи, М. Я. фонъ-Фока. Однажды, въ мое дежурство у министра, выйдя отъ доклада, онъ отвелъ меня въ сторону, поставилъ къ свѣту и пристально смотря мнѣ въ глаза, сталъ допрашивать. У него на правой брови была огромная бородавка, обросшая волосами; онъ безпрестанно моргалъ ею; это придавало его лицу странный, и даже немного страшный видъ, и онъ, при вопросахъ, кажется рассчитывалъ на это. Онъ мнѣ сказалъ: «Я читалъ вашу подписку и, признаюсь, меня удивило, что вы, такой молодой, попали въ общество, въ которое, кажется, не поступаютъ ранѣе 24-хъ лѣтъ». Я отвѣчалъ, что для меня сдѣлали исключеніе, признавъ меня довольно зрѣлымъ въ 18 лѣтъ. Но вскорѣ я замѣтилъ, что не масонство было предметомъ его разспросовъ. Онъ, казалось, не повѣрилъ моему показанію о студенческихъ обществахъ и спросилъ: «какъ случилось, что я къ нимъ не присталъ?» Я отвѣчалъ, что это случилось очень просто, такъ какъ я оставилъ университетъ за годъ до того, какъ первое изъ этихъ обществъ было основано. Тутъ фонъ-Фокъ мнѣ напомнилъ, что, по словамъ указа о подпискахъ, всякая утайка влечетъ за собою строгое наказаніе. Онъ рассчитывалъ, кажется, на то, что я, подъ вліяніемъ его испытующаго взгляда и моргающей бородавки, оробѣю и перемѣнюсь въ лицѣ; но я оставался спокойнымъ, не чувствуя за собою никакой вины. Впрочемъ, если-бы я и сконфузился, фонъ-Фокъ, какъ экспертъ въ этихъ дѣлахъ, долженъ былъ знать, что это ничего не доказываетъ.

Одинъ извѣстный въ Петербургѣ сыщикъ говорилъ, что въ своихъ розыскахъ онъ не всегда сразу можетъ напасть на виновнаго въ преступленіи, но ручается за то, что всегда сразу узнаетъ невиноватаго, хотя и подозрѣваемаго. По его словамъ, невинные скорѣе всего приходятъ въ смущеніе и мѣняются въ лицѣ; ихъ волнуетъ уже одно то, что ихъ обвиняютъ. Впрочемъ, говорилъ М., есть тонкій оттѣнокъ между смущеніемъ невиннаго и преступника, но что-бы уловить этотъ оттѣнокъ, нужна большая опытность. Большею же частью настоящіе виновные

вызываютъ въ себѣ настолько силы воли, что при допросахъ сохраняютъ спокойный видъ, и этимъ вводятъ въ обманъ неопытнаго слѣдователя.

И спѣшу сказать, что фонъ-Фокъ былъ человѣкъ прекрасной души, умный и образованный; въ исполненіи своихъ обязанностей онъ соединялъ строгую справедливость съ возможною снисходительностью. Такой дѣятель и при такомъ главномъ начальникѣ, какъ В. С. Ланской, былъ по истинѣ благодатью въ тогдашнее смутное время.

IX.

Слѣдствіе о заговорѣ окончилось. Результатъ его подробно изложенъ въ брошюрѣ, сдѣлавшейся теперь библиографическою рѣдкостью. Составленъ былъ верховный судъ. Онъ раздѣлилъ преступниковъ по степени виновности на разряды; изъ виновныхъ отнесенные къ первому пять человѣкъ приговорены были къ смертной казни повѣшеніемъ; другіе—къ лишенію всѣхъ правъ, къ разнымъ степенямъ каторжныхъ работъ и ссылкѣ. Приведеніе приговоровъ въ исполненіе на обширномъ полѣ, простиравшемся позади Петропавловской крѣпости (гдѣ теперь Александровскій паркъ), назначено было на 13-е іюля 1826 года, на разсвѣтѣ. При этомъ должны были присутствовать отряды изъ всѣхъ войскъ гвардіи. Въ городѣ никто, или почти никто, не зналъ ни о времени, ни о мѣстѣ экзекуціи. Я узналъ объ этомъ случайно и съ товарищемъ моимъ, Парчевскимъ, отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкаго (Петербургскаго) моста. далѣе стража насъ не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска были уже на своихъ мѣстахъ; постороннихъ зрителей было очень немного: не болѣе 150—200. На ближайшемъ къ крѣпости парпетѣ возвышалась висѣлица, одна для всѣхъ пяти осужденныхъ. Внизу, параллельно съ перекладиной, на которой висѣли уже веревки, была скамейка, вышиною около полутора аршина, на которой приговоренные къ казни должны были быть поставлены въ рядъ. На полѣ, въ разныхъ мѣстахъ, дымились костры.

Началась экзекуція. Изъ крѣпости въ ворота, выходившія на поле, стали выводить по нѣскольку осужденныхъ къ разжалованію и лишенію правъ. Изъ нихъ военные были въ формѣ.

Ихъ подводили къ кострамъ и тамъ палачи обрывали съ нихъ эполеты и мундиры, ломали надъ головами шпаги и все это бросали въ огонь. Затѣмъ надѣвали на нихъ арестантскіе костюмы и отводили опять въ крѣпость, а оттуда выводили новыхъ. Такъ какъ осужденныхъ было много, то церемонія эта продолжалась болѣе часа; воздухъ наполнился дымомъ отъ тлѣвшихъ офицерскихъ вещей. Между тѣмъ изъ города и съ Петербургской стороны собралось не мало зрителей. Былъ уже пятый часъ утра, когда приступили къ казни главныхъ преступниковъ: Пестеля, Каховскаго, Бестужева-Рюмина, Сергѣя Муравьева-Апостола и Рылѣева. Ихъ поставили на упомянутую скамейку въ рядъ, въ разстояніи другъ отъ друга на какіе-нибудь пол-аршина. На голову надѣли колпаки, которые насунули на лица, закрывъ ихъ совсѣмъ, начиная съ шеи и во всю длину ногъ, надѣли бѣлые фартуки и сзади завязали ихъ, вверху и внизу такъ, что руки и ноги были фартукомъ спеленаты. Наконецъ наложили на шею петли, которыя должны были затянуться и удержать казнимыхъ на воздухѣ, когда изъ подъ ихъ ногъ отнята будетъ скамейка. Но тутъ и послѣдовалъ извѣстный потрясающій эпизодъ. Веревки были новы и туги; когда оттолкнули скамейку, то головы двухъ среднихъ въ ряду осужденныхъ просунулись внизъ сквозь незатянувшіяся петли и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Паденіе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣ приготовились видѣть пять человѣкъ, заслужившихъ смертную казнь, повѣшенными, но никто не предвидѣлъ, случившагося такъ неожиданно, и продолжившаго предсмертную агонію двухъ несчастныхъ. Это были Рылѣевъ и Бестужевъ. Говорятъ, что упавши, Рылѣевъ воскликнулъ: «намъ во всемъ неудача!» Прошло около четверти часа, пока ихъ снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тѣмъ повисшіе до того, вертѣлись на веревкахъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Стража окружала висѣлицу, но по прошествіи получаса, стали всѣхъ пускать и толпа любопытныхъ нахлынула. Казненные висѣли уже неподвижно. Между ними трупъ Каховскаго отличался необыкновенною длиною. Прошло еще полчасъ—мертвецовъ сняли и отнесли въ крѣпость.

X.

В. С. Ланской оставилъ министерство и, вдобавокъ къ другимъ должностямъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора. Послѣ краткаго промежутка, въ который управлялъ Д. В. Дашковъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ, въ 1828 году, финляндскій генераль-губернаторъ (съ сохраненіемъ и этого званія) бывшій дежурный генераль-главнаго штаба, генераль-адъютантъ графъ А. А. Закревскій.¹⁾

Съ этимъ назначеніемъ для всего вѣдомства настала новая эра—эра полнѣйшаго милитаризма, о какомъ мы, пѣкены, привыкшіе къ кроткому управленію Василя Сергѣевича Ланскаго, не имѣли понятія. Не только въ механизмѣ общаго управленія, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ службы введена строгая дисциплина и щепетильный формализмъ! Въ сношеніяхъ съ начальниками губерній прежнія вѣжливыя формы отмѣнены и велѣно писать не иначе, какъ «предписываю вашему превосходительству». Для исполнительныхъ отвѣтовъ на такія «предписанія» назначенъ былъ двухнедѣльный срокъ, (съ продолженіемъ его, не помню уже на сколько, для очень отдаленныхъ губерній). По прошествіи его, если не было отвѣта, то сами столоначальники должны были заготовлять «повторенія». Когда же и по истеченіи двухъ другихъ недѣль предписаніе исполнено не было, то посылалось по эстафетѣ, на счетъ виноватаго: «подтвержденіе» съ строгимъ замѣчаніемъ. По всему видно было, что графъ Закревскій предубѣжденъ былъ противъ ввѣренной ему части; онъ предполагалъ, что она была въ запущеніи и что во всемъ управленіи царствовала распущенность. Онъ положилъ себѣ задачею, все вѣдомство заключить и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Директоры дрожали передъ нимъ, что же говорить о насъ, маленькихъ чиновникахъ! Положены были часы, въ которые мы должны были

¹⁾ Новый министръ съ генераль-губернаторомъ, своимъ двойникомъ, вели постоянно переписку; графъ Закревскій подписывалъ предписанія, и онъ же подписывалъ отвѣты. Между этими двумя сановниками царствовало примѣрное единомысліе, тѣмъ болѣе, что званію финляндскаго генераль-губернатора присвоено было большое содержаніе.

оставаться на службѣ, именно съ 10-ти до 3-хъ. Экзекуторы обязаны были записывать когда кто приходилъ и когда уходилъ и о каждомъ нарушеніи регламента доносить министру. Доски съ номерами прибиты были надъ дверьми отдѣленій и надъ головами столоначальниковъ. Формализмъ Закревскаго доведенъ былъ до крайнихъ предѣловъ; приведу одинъ примѣръ. По предложенію министра, совѣтъ его долженъ былъ обсудить, какія имѣютъ быть розданы по столамъ тряпки для вытиранія перьевъ: чернаго колленкора, или чернаго сукна? Журналомъ совѣта, утвержденнымъ министромъ, по зрѣломъ обсужденіи, этотъ важный вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу сукна, и намъ роздали тряпки изъ такого толстаго матеріала, что онѣ никуда не годились. Такое же разсужденіе было о чернильницахъ и песочницахъ ¹⁾

Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, непосредственные подчиненные старались превзойти свой начальственный образецъ. Директоръ одного департамента «собственнымъ умомъ» выдумалъ слѣдующее правило: за первую ошибку, замѣченную въ бумагѣ, свѣренной столоначальникомъ и поданной директору для поднесенія къ подписанію министра, столоначальнику дѣлается выговоръ, а писецъ назначается безъ очереди на дежурство. За вторую, на такое же дежурство назначается столоначальникъ вмѣстѣ съ писцомъ; за третью—писецъ удаляется изъ службы, а столоначальникъ оставляется дежурнымъ на цѣлую недѣлю; за четвертую, столоначальникъ удаляется изъ службы. Къ ошибкамъ причислялись и погрѣшности противъ русскаго правописанія. Думали сначала, что это не будетъ исполняться, но вышло противное; столоначальникъ П., продежурившій недѣлю, самъ вышелъ въ отставку, не дожидаясь, что-бы его исключили.

Даже въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ должность начальника стола бываетъ самая трудовая и наиболѣе отвѣтственная. Это не видна, но существенная пружина въ механизмѣ дѣлопроизводства; съ нея все начинается и ею же оканчиваются результаты всего начатаго. Кромѣ того, отвѣтственность за внутренній порядокъ и исправность лежитъ непосредственно на этомъ

¹⁾ Смотри дѣла совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ 1828 и послѣдующихъ годовъ.

чиновникѣ. Таково нормальное и даже естественное положеніе; но при Закревскомъ оно усложнилось въ геометрической прогрессіи. Не говоря уже о требовавшейся скорости самаго дѣлопроизводства, контролируемой настольнымъ реэстромъ, выдуманы были новые реэстры и срочныя вѣдомости; таковы были реэстры о сдѣланныхъ подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ «повтореніяхъ», еженедѣльные таблицы «о движеніи дѣлъ» съ подробнымъ показаніемъ всего, что въ теченіе семи дней было сдѣлано. Таблицы эти по столамъ должны были быть готовы въ каждую субботу до полудня. Онѣ всѣ сосредоточивались въ бухгалтеріи, а тамъ составлялась общая таблица по министерству для представленія министру. До того еще заведены были во всѣхъ управленіяхъ ежемѣсячныя вѣдомости о полученныхъ, но окончательно не исполненныхъ, высочайшихъ повелѣніяхъ и царскихъ резолюціяхъ по положеніямъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, съ показаніемъ, что по нимъ сдѣлано и за кѣмъ исполненіе остановилось. Изъ такихъ частныхъ составлялись по департаментамъ общія вѣдомости и препровождались въ I-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Эти отчеты учреждены были по слѣдующему случаю. Государь далъ министру народнаго просвѣщенія (князю Ливену) повелѣніе о какомъ-то распоряженіи по училищному вѣдомству въ Кронштадтѣ. Недѣли чрезъ двѣ послѣ этого, его величество, бывши въ Кронштадтѣ, лично удостовѣрился, что къ исполненію его воли не было даже приступлено. Вслѣдствіе этого директоръ департамента народнаго просвѣщенія, Д. И. Языковъ, былъ посаженъ на гауптвахту и издано постановленіе объ упомянутыхъ отчетахъ.

Изъ срочныхъ обязанностей столоначальниковъ была одна-ко-жъ одна пріятная и очень интересная. По приказанію графа Закревскаго была составлена, въ нѣсколькихъ графахъ, не знаю кѣмъ, подробная вѣдомость о всѣхъ генераль-губернаторахъ, гражданскихъ губернаторахъ, исправляющихъ ихъ должности и градоначальникахъ. Это было извлеченное изъ послужныхъ списковъ «*curriculum vitae*» каждаго, съ показаніемъ бытности подъ судомъ, взысканій, выговоровъ и замѣчаній, которымъ когда-либо подвергался кто-либо изъ этихъ личностей. Но что до крайности странно и почти невѣроятно, кромѣ доказанныхъ, со-

вершившихся фактовъ, въ вѣдомости помѣщались данныя, почерпнутыя изъ «общественной молвы» и, повидимому, изъ частныхъ доносовъ. Такъ, объ одномъ правителѣ, занимавшемъ важный постъ, было сказано, что «онъ, какъ слышно, состоитъ въ связи съ некрещеной еврейкой, которая имѣетъ на него большое вліяніе и отъ его имени беретъ взятки». Кромѣ многихъ другихъ интересныхъ подробностей, о двухъ губернаторахъ были такія странныя свѣдѣнія, что я ихъ не повторяю. Толстая тетрадь, заключающая эти прелести, по временамъ появлялась во всѣхъ департаментахъ и передавалась исключительно столоначальникамъ. Каждый изъ нихъ, по справкѣ съ производимыми имъ дѣлами, долженъ былъ въ особой бумагѣ означать, какія по его столу, въ теченіе мѣсяца и кому изъ начальниковъ губерній, сдѣланы были замѣчанія или повторенія, или какія поступили жалобы и какой данъ имъ ходъ. Большее частью столоначальникъ отмѣчалъ, что въ этомъ отношеніи, въ теченіе мѣсяца, ничего новаго не послѣдовало, а между тѣмъ мы узнавали презанимательныя подробности скандальной хроники о правителяхъ всѣхъ губерній. Свѣтлая мысль такой огласки принадлежала самому графу Закревскому. Понятно, что главный начальникъ, для собственнаго своего свѣдѣнія и вообще «для пользы службы», можетъ пожелать имѣть подобную «черную книгу» о своихъ подчиненныхъ; но чѣмъ объяснить, что собраніе такихъ свѣдѣній пускалось въ обращеніе по всему министерству? Вѣдь и безъ того можно было собрать по столамъ всѣ данныя для пополненія хроники. Это было одно изъ тѣхъ мудрыхъ дисциплинарныхъ распоряженій, которыми отличалось управленіе графа Арсенія Андреевича Закревскаго.

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего назначенія, графъ объявилъ нашему директору, что такого-то дня онъ посѣтитъ канцелярію. Мы приготовились къ «смотру». У каждого писца было по нѣсколько черновыхъ бумагъ, которыя онъ перебѣлялъ; передъ столоначальниками лежали настольные реэстры и перѣшечныя дѣла, по которымъ каждый писалъ какое нибудь «исполненіе». Надъ ихъ головами красовались жестяныя досечки съ номеромъ стола. Чернильницы, песочницы и тряпки для перьевъ были строго форменныя. Часу въ первомъ министръ пріѣхалъ и, въ сопровожденіи директора, началъ осмотръ по порядку, съ 1-го

отдѣленія. Въ эту минуту начальникъ этого отдѣленія писалъ что-то карандашемъ, стоя у своей конторки. Графъ пошелъ прямо къ нему и сдѣлалъ замѣчаніе, что если-бы онъ писалъ не карандашемъ, а чернилами, то написанное могло бы служить «отпускомъ» и не требовало бы быть перебѣляемо для приобщенія къ дѣлу. Отгонъ Александровичъ только поклонился съ нѣсколько саркастическимъ выраженіемъ въ лицѣ, которое можно было понять и такъ: «простите меня, никогда не буду!» Затѣмъ министръ обратился ко мнѣ и спросилъ, чѣмъ я занимаюсь? Я сказалъ, что пишу проектъ записки въ комитетъ министровъ по такому-то дѣлу. Такъ онъ обошелъ другіе столы отдѣленія и перешелъ въ другія отдѣленія. Тамъ обошлось безъ замѣчаній; по увѣдомленію эзекутора всѣ карандаши были уже спрятаны.

Все предъидущее были только прелюдіи къ тому, что должно было разразиться надъ нами. Въ нашей канцеляріи рѣшенія дѣла, почти съ самаго учрежденія министерствъ (1811 годъ), не были приведены окончательно въ требуемый правилами порядокъ и не были сданы въ архивъ. Для этого нужно, что-бы всѣ входящія и исходящія бумаги были подшиты въ хронологическомъ порядкѣ, листы перенумерованы и скрѣплены по краямъ столоначальникомъ; что-бы на послѣднемъ листѣ, за подписью начальника отдѣленія и за скрѣпою столоначальника, означено было прописью число листовъ, и наконецъ, что-бы къ первому листу приложена была подробная опись всѣмъ составляющимъ дѣло бумагамъ, съ означеніемъ числа, нумера и количества листовъ каждой. Такъ, приведенныя въ порядокъ рѣшенія дѣла, на случай ихъ возобновленія, хранятся еще въ теченіи трехъ лѣтъ по столамъ, а затѣмъ уже сдаются, при особомъ спискѣ, архивариусу подъ его росписку. Когда это дѣлается постепенно и въ свое время, то оно необременительно; но можно себѣ представить, въ какую египетскую работу формальность эта превращается, когда придется исполнить ее за какихъ нибудь 17 лѣтъ сразу и въ назначенный, скупо разсчитанный срокъ. И вотъ что на насъ, злополучныхъ столоначальниковъ, упало какъ снѣгъ на голову въ 1828 году.

Министръ повелѣлъ заняться тотчасъ-же приведеніемъ рѣшенныхъ дѣлъ въ порядокъ для сдачи въ архивъ и окончить эту работу сколь возможно скорѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было

А. А. Закревскимъ, что въ теченіе года никто изъ столоначальниковъ не можетъ просить объ увольненіи ни въ отставку, ни даже во временной отпускъ. Дабы отъ такихъ занятій не останавливались въ своемъ ходѣ текуція дѣла, приказано было чиновникамъ, кромѣ упомянутыхъ уже утреннихъ часовъ службы, собираться въ канцелярію въ 6-ть часовъ и оставаться до 10-ти вечера, подъ наблюденіемъ экзекуторовъ. Вотъ примѣръ какъ строго исполнялось это наблюденіе. Я разъ обѣдалъ въ гостяхъ, и такъ какъ была прекрасная, лѣтняя погода, то хозяйка и еще одна дама пожелали прокатиться водою въ Екатерингофъ, гдѣ долженъ былъ дожидаться экипажъ для возвращенія въ городъ. Съ самой весны лишенный распоряженіемъ министра возможности подышать свѣжимъ воздухомъ, я не устоялъ противъ приглашенія дамъ сопутствовать имъ въ такой пріятной прогулкѣ. Я только послалъ инструкцію квартирующему со мною П. Когда въ 6-ть часовъ я не явился въ канцелярію, то чрезъ четверть часа прискакалъ курьеръ; ему сказали, что у меня страшная мигрень и что я лежу въ постели. Спустя еще четверть часа пріѣхалъ экзекуторъ съ докторомъ для освидѣтельствованія меня. Тутъ П. оказалъ талантъ, котораго я за нимъ не зналъ. Онъ, который никогда не лгалъ, съ дипломатическимъ апломбомъ, достойнымъ Талейрана, сказавшаго что: «рѣчь дана человѣку для скрытія его мысли», увѣрилъ инквизиторовъ, что послѣ мученій мигрени я наконецъ уснулъ, и что было-бы безчеловѣчно разбудить меня для новыхъ страданій. Удовлетворенные этимъ, они удалились и такъ моя плутня обошлась безъ дурныхъ послѣдствій.

Я горько сожалѣлъ, что дождался такого положенія; съ первыхъ пріемовъ новаго министра я уже было предположилъ перейти на службу въ другое вѣдомство, но по славянской медлительности откладывалъ это со дня на день. Впрочемъ, лично для меня это было чистое: «въ чужомъ пиру похмѣлье». Вдругъ на меня свалилось съ другаго министерства мпожество дѣлъ, запущенныхъ до крайности, которыя не я производилъ. Самая работа была такъ скучна, что я и теперь не могу безъ зѣвоты вспомнить о ней. Кто этого не испыталъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ надоѣдаетъ повтореніе тысячу разъ или болѣе однихъ и тѣхъ-же словъ при такъ называемой «скрѣпѣ» по

листамъ; тутъ собственная фамилія опротивить. Графъ Арсеній Андреевичъ, въ бытность свою дежурнымъ генераломъ, устроившій архивъ инспекторскаго департамента такъ, что онъ справедливо слылъ образцовымъ,¹⁾ не довѣрялъ нашему знанію формальностей и выписалъ къ себѣ изъ этого архива нѣсколькихъ, «сбѣвшихъ собаку» въ этомъ дѣлѣ, кантонистовъ, и далъ намъ ихъ въ наставники. Они преподали намъ образцы разныхъ реестровъ, указателей, списковъ и т. д., а это все, съ описями, которыя нужно было приложить къ каждому дѣлу, составляло такую громадную массу письма, что свои писцы, при другихъ текущихъ дѣлахъ, не успѣвали, и мы принуждены были на свои деньги нанимать копистовъ.

Наконецъ вся эта «экстренная» работа окончилась; рѣшенныя дѣла, за исключеніемъ тѣхъ, которыя должны были три года ждать своего совершеннолѣтія, сданы въ архивъ.

Какъ только снято было запрещеніе, лежавшее на столоначальникахъ, ихъ пять человѣкъ въ одинъ день заявили о выходѣ изъ министерства; одни подали въ отставку, другіе, въ томъ числѣ и я, по отношеніямъ подлежащихъ властей, перешли на службу въ другія вѣдомства. Я пріютился подъ крылья бывшаго добраго начальника В. С. Ланскаго, и какъ мнѣ для моихъ дѣлъ и для отдыха послѣ такой службы, которой мѣсяць стоилъ года всякой другой, нуженъ былъ отдыхъ, то я, въ іюнѣ 1829 года, опредѣлился въ комиссію о построеніи Исаакіевскаго собора «впредь до усмотрѣнія, на собственное содержаніе», гдѣ мнѣ поручались немногія и нетрудныя канцелярскія запятія.

Послѣ возстанія 1830 года признано было, что обязательныя въ Царствѣ Польскомъ законы не вполне соотвѣтствуютъ условіямъ благоустройства въ тамошнемъ краѣ. Поэтому, въ 1833 г., составлена была въ Петербургѣ, подъ главнымъ начальствомъ графа Сперанскаго и подъ предсѣдательствомъ министра статскіе секретаря Царства Польскаго Туркула, комиссія для ревизіи и составленія законовъ Царства (переименованная впослѣдствіи не совсѣмъ правильно въ кодификаціонную), изъ трехъ членовъ, вызванныхъ изъ тамошняго края. Для составленія же канцеляріи,

¹⁾ Мнѣ сказывали, что, напримѣръ, для отысканія послужнаго списка простаго рядового, служившаго при императрицѣ Екатеринѣ, полагалось 10-ть мѣсяцевъ времени.

покойный Туркуль былъ уполномоченъ набирать изъ всѣхъ вѣдомствъ чиновниковъ по ихъ желанію. Условія *sine qua non* для такого выбора были: основательное знаніе русскаго, польскаго и французскаго языковъ. Какъ члены не умѣли по-русски, то для ихъ работъ нужны были переводы и по представленію Туркула, я былъ вытребованъ графомъ Сперанскимъ изъ исаакіевской комиссіи и опредѣленъ въ комиссію Туркула главнымъ переводчикомъ. Въ этой должности, потомъ правителемъ, и наконецъ директоромъ канцеляріи, я прослужилъ въ комиссіи съ 1833 г. по день ея упраздненія, въ 1861 году.....

Х.

Въ половинѣ ноября 1830 года вспыхнулъ въ Варшавѣ польскій мятежъ.

Послѣ этого плачевнаго событія прошло почти пол-вѣка и оно можетъ уже считаться вошедшимъ въ область исторіи, даже и по требованіямъ тѣхъ, которые отдаленность времени признаютъ необходимымъ условіемъ для историческихъ изслѣдованій и для оцѣнки совершившихся фактовъ. Поэтому и пользуясь однимъ изъ драгоцѣнныхъ даровъ истекающаго двадцатилѣтія—свободою выраженія честной мысли, я намѣренъ высказать здѣсь о настоящемъ предметѣ одну изъ такихъ мыслей, внушенную анализомъ, по возможности безстрастнымъ и всестороннимъ.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи объ оправданіи возстанія, сколько преступнаго, столько и безразсуднаго. Никто энергичнѣе меня не осуждалъ поведенія Поляковъ, жителей Царства, созданнаго въ 1815 году благостію Александра I-го. Они старались извинить мятежъ нарушеніемъ пожалованной имъ конституціи, тогда какъ они же сами не переставали нарушать ее и дѣлать невозможнымъ продолженіе дарованныхъ имъ преимуществъ, постоянно злоупотребляя ими и въ засѣданіяхъ сеймовъ, и въ ежедневныхъ частныхъ столкновеніяхъ съ законною властью. Нѣтъ; не оправдывать Поляковъ, а лишь должно удивляться непринятію со стороны правительства мѣръ, сдѣлавшихся необходимыми для обузданія своеволія, удивляться долготерпѣнію правительства.

И такъ; повторяю, въ моемъ анализѣ дѣло идетъ не объ

извиненіи самаго преступнаго событія. Я хочу изложить лишь соображеніе о томъ, какъ, во-1-хъ, мѣрами, основанными на знаніи народнаго характера, принимаемыми въ надлежащее время, можно было ненормальной, вредной пылкости этого характера, дать безвредное и даже полезное направленіе, и тѣмъ, подобно употребляемымъ въ медицинѣ, отвлекательнымъ средствамъ (*dérivatif*) предотвратить катастрофу; и во-2-хъ, какъ при начавшемся уже возстаніи легко можно было погасить его и не допустить продолжительныхъ кровопролитныхъ его послѣдствій.

Относительно перваго. Преобладающая черта польскаго характера, это воинственный духъ; онъ всячески проявлялся въ жизни народа, когда Польша была самостоятельнымъ государствомъ. Можно бы подумать, что въ большинствѣ польскихъ головъ, самый выдающійся органъ тотъ, который краниологи называютъ боевымъ (*organe de la combativité*). Вся польская исторія свидѣтельствуешь о такой неукротимой наклонности; войны Поляковъ не всегда имѣли достаточно основательный предлогъ; нѣкоторыя велись просто «изъ любви къ искусству». Случалось даже, что шляхта, соскучившись миромъ, собиралась въ отдѣльные отряды и, подъ предводительствомъ какого-нибудь отчаяннаго авантюриста, затѣвала войну на свою руку. Такимъ увлеченіемъ народнаго характера объясняется страстная привязанность Поляковъ къ Наполеону, этому олицетворенному мѣу языческаго Марса.

Исходивъ за нимъ весь европейскій континентъ, польскіе легіоны переплыли даже океанъ, что-бы на другомъ полушаріи найти случай подраться. Бальзакъ справедливо сказалъ: «*personne ne se bat pour son plaisir; les polonais seuls exceptés*».¹⁾

Въ виду такого общаго настроенія, нельзя не признать, что оставлять въ учреждаемомъ царствѣ чисто-польскую армію въ 35 или 40 тысячъ, было крайне неpolitично, въ особенности, когда вмѣстѣ съ этимъ значилось въ конституціи, что армія эта никогда не будетъ выводима за границы края. Можно бы поэтому спросить: для чего же она была нужна? На такой вопросъ возможенъ одинъ лишь отвѣтъ: армія была нужна для забавы цесаревича Константина Павловича, избравшаго своимъ мѣсто-пребываніемъ Варшаву.

¹⁾ Никто не воюеть ради удовольствія; одни поляки составляютъ исключеніе.

Должно было предвидѣть, что отборное войско, составленное изъ Поляковъ, не можетъ въ своихъ пожеланіяхъ быть удовлетворено одними ученіями, парадами и маневрами, и что эти пожеланія, рано или поздно перейдя въ горячее состояніе, поведутъ къ покушенію на приведеніе въ дѣйствіе, создаваемого каждымъ—и солдатомъ и офицеромъ—истиннаго назначенія всякой арміи. А такъ какъ избытку накопившейся силы не могъ быть данъ законный исходъ внѣ края, то онъ естественно долженъ былъ разразиться внутри его и самъ искать себѣ исхода.

Насколько не трудно было предвидѣть такой конецъ, настолько легко было предотвратить его, несмотря на всѣ ненормальности положенія и на неполитичность самаго учрежденія. Польская армія съ восторгомъ приняла бы отмѣну упомянутаго ограниченія и всякую мѣру, которая открыла бы ей поле битвы; стоило только уразумѣть и исполнить ея пламенное желаніе.

Польскіе полки съ радостью послѣдовали бы на Кавказъ и участіе ихъ тамъ въ войнѣ, вѣроятно на многіе годы, сократило бы борьбу съ горцами. Но представлялся и болѣе удобный случай для употребленія этой кипящей, удерживаемой въ бездѣйствіи, силы. Это была турецкая кампанія 1828—1829 гг., окончившаяся адрианопольскимъ трактатомъ. О, съ какимъ рвеніемъ Поляки бросились бы на Турокъ, съ которыми имѣли старые историческіе счеты за короля Владислава, погибшаго подъ Варной! Но, кромѣ того, что этимъ несомнѣнно отвращена была бы варшавская катастрофа 1830 года, кромѣ матеріальной помощи въ войнѣ, сколько другихъ военныхъ и благотворныхъ послѣдствій, имѣло бы призваніе польской арміи къ участію въ кампаніи. Не послѣднимъ изъ нихъ было бы то, что, изъ соревазанія на общемъ полѣ брани, завязалось бы взаимное сближеніе Русскихъ съ Поляками, братство по оружію, и кто можетъ въ настоящее время исчислить всѣ блага, которыя проистекли бы отъ такого сближенія двухъ племенъ, подданныхъ одного монарха, замѣнившихъ вражду, которая возникла между ними вслѣдствіе мятежа 1830 года и которая, безъ сомнѣнія, повлекла за собою и послѣднее возстаніе? Сближеніе это могло бы быть достигнуто и ранѣе турецкой кампаніи, если-бы, по примѣру того, какъ нѣсколько полковъ императорской гвардіи квартировали въ Варшавѣ, польскіе полки попеременно вызываемы были въ Петербургъ. Мѣра

эта была бы вполне сообразною съ тѣмъ кореннымъ началомъ учрежденія царства, что оно «составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ имперіею». Между тѣмъ, разьединеніе двухъ армій и существованіе таможенной границы между имперіею и царствомъ, противурѣчили этому началу и препятствовали тому, что-бы населеніе царства усвоило его себѣ и привыкло къ нему.

Я знаю, что о вызываніи полковъ польской арміи въ Петербургъ была рѣчь въ высшихъ правительственныхъ кругахъ и это не состоялось единственно вслѣдствіе сдѣланнаго кѣмъ-то замѣчанія, что пребываніе польскихъ офицеровъ въ столицѣ повлекло бы за собою множество дуэлей съ русскими. Опасеніе неосновательное, какъ это доказалъ опытъ Кавказа и Севастополя, гдѣ, несмотря на множество офицеровъ польскаго происхожденія, ничего подобнаго не случилось. А между тѣмъ, это опасеніе воспрепятствовало принятію мѣръ, соотвѣтствовавшей разумной политикѣ.

Относительно втораго. По возникновеніи въ Варшавѣ мятежа, великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, взявъ съ собою гвардейскіе полки, оставилъ городъ и расположился бивуаками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, на Бѣлянахъ. На другой же день министръ финансовъ царства, кн. Друцкой-Любецкой, отправившись туда, упрашивалъ его высочество возвратиться въ городъ и усмирить мятежъ послѣдовавшими за нимъ войсками. Великій князь отвѣчалъ: «Les polonais n'ont pas voulu de moi; je ne veux pas les connaître». Несчастная фраза! Одна изъ тѣхъ, которыя такъ часто «заѣдаютъ насъ». Эта фраза стоила болѣе года братоубійственной войны и жизни 200,000 сыновъ одного отечества. Напрасно Любецкой, ссылаясь на то, что и онъ былъ нѣкогда суворовскимъ офицеромъ, умолялъ дать ему два полка и головою отвѣчалъ, что подавить мятежъ въ самомъ началѣ, пока онъ не распространился еще на провинціи и не проникнулъ въ армію. Великій князь остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и вскорѣ съ своими полками удалился въ предѣлы имперіи. Тогда уже вся надежда была потеряна и послѣдовало то, что всѣмъ извѣстно.

XI.

Въ предѣлахъ Россіи холера въ первый разъ появилась въ Астрахани. Уже съ 1825 года производилось объ этомъ дѣло въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и принимались кое-какія

мѣры; но онѣ, по незнанію свойства и образа дѣйствія болѣзни, не могли быть успѣшны. Извѣстно было только, что въ Европу она проникла чрезъ Персію изъ Индіи, гдѣ дѣйствовала съ давняго времени почти эпидемически. Замѣтили также ту особенность, что она шла впередъ противъ господствующаго вѣтра, и по рѣкамъ, противъ ихъ теченія. Впослѣдствіи уже, и именно въ 1848 году, наблюденія еще показали, что развитію холеры въ лѣтнее время способствуетъ отсутствіе электрическихъ явленій въ атмосферѣ, и слѣдовательно отсутствіе или слишкомъ малый процентъ въ воздухѣ озона. Впрочемъ, сначала холера распространялась медленно; до Петербурга она дошла только на шестой годъ послѣ появленія своего на южныхъ окраинахъ.

Первые случаи, обнаружившіеся въ Петербургѣ въ апрѣлѣ или въ маѣ 1831 года, произвели всеобщую панику. Они застали медицину врасплохъ. При незнаніи, въ чемъ заключается сущность болѣзни, наука должна была ограничиться профилактическими мѣрами, въ пользованіе же заболѣвавшихъ, средствами, указываемыми не какою-нибудь теоріею *a priori*, а аналогіею, сходствомъ наличныхъ симптомовъ съ признаками другихъ, извѣстныхъ наукѣ болѣзней. Изъ заболѣвавшихъ умирало болѣе половины. Сначала считали ее заразительною въ прямомъ смыслѣ, то есть сообщающеюся непосредственно отъ больного субъекта здоровому, подобно чумѣ или оспѣ. Вслѣдствіе такого взгляда, еще до появленія холеры въ Петербургѣ, признано было нужнымъ принимать противъ нея такія мѣры, какими останавливается ходъ восточной чумы и это было поручено министру внутреннихъ дѣлъ, графу Закревскому, который долженъ былъ отправиться въ губерніи, пораженные уже холерою, и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, для недопущенія ея въ другія мѣстности и въ столицу. Управление министерствомъ поручено было временно одному изъ сановниковъ, и Закревскій снарядилъ цѣлую экспедицію, набравъ для нея медиковъ, въ томъ числѣ и вольнопрактикующихъ, не спрашивая ихъ на то согласія.

Графъ Арсеній Андреевичъ распорядился по своему, то есть съ возможною строгостью. Онъ оцѣплялъ города; на большихъ дорогахъ между губерніями и уѣздами учреждалъ караулы, заставы и карантинны. По тѣмъ, которые старались пробраться мимо ихъ, приказано было стрѣлять. Между тѣмъ холера какъ бы изъ

дѣвалась надъ тщетными предосторожностями; совершала благополучно свою «скачку съ препятствіями» и, перепрыгивая чрезъ всякаго рода заставы, появлялась внезапно въ мѣстахъ наиболѣе охраняемыхъ. Тогда только стали смекать, что она дѣйствуетъ не такимъ образомъ, какъ другія моровыя язвы; что распространеніе ея обусловливается особыми, мало до сихъ поръ извѣстными, обстоятельствами. А между тѣмъ такія принятія уже предупредительныя средства до крайности стѣсняли торговлю, сообщенія и всѣ сношенія, и причиняли громадныя убытки. Тысячи людей и лошадей, съ товарными обозами, были задерживаемы у заставъ и томились высиживая карантинъ, срокъ котораго, сколько помнится, былъ восемь дней. Такое невыносимое положеніе было наконецъ отмѣнено и ограничили предписаніемъ повсемѣстно мѣръ для встрѣчи холеры въ случаѣ ея появленія.

Даже и теперь страшно подумать о томъ волненіи, въ какое пришла столица при появленіи въ ней смертоносной эпидеміи. Внезапность дѣйствія болѣзни, ея ужасные симптомы и то обстоятельство, что она непосредственно развивалась послѣ дурной пищи или холоднаго питья, породили мысль, что эпидеміи нѣтъ, и что люди заболѣваютъ и умираютъ вслѣдствіе отравленія, въ чемъ участвуютъ доктора и полиція. А какъ появленіе холеры въ Петербургѣ пришлось какъ разъ во время перваго польскаго мятежа, то огромное большинство жителей столицы не колебалось эти мнимыя отравленія приписать и непосредственному дѣйствію, а также подкупамъ Поляковъ. По всему городу разошлись и повторялись нелѣпые рассказы о томъ, какъ Поляки ходятъ ночью по огородамъ и посыпаютъ овощи ядомъ; какъ, незаметно проходя въ ворота домовъ, всыпаютъ ядъ въ стоящія на дворахъ бочки съ водою, какъ зафрахтованные мятежниками корабли привезли цѣлыя грузы мышьяку и всыпали ихъ въ Неву, и т. п. Возволнованная чернь, въ которой коноводами были мальчишки-ученики разныхъ мастерскихъ и фабричныя рабочіе, расхаживала толпами по улицамъ и всякаго, кто ей казался почему-нибудь «холерщикомъ», била и истязала нерѣдко до смерти. Учрежденная на Сѣнной площади холерная больница была раззорена, да два или три медика, и столько же полицейскихъ, убиты. Дѣло дошло до того, что въ теченіе цѣлыхъ трехъ сутокъ, полиція и доктора прятались, и разсвирѣпѣвшій народъ дѣлалъ что

хотѣлъ. Только прибытіе государя изъ Царскаго Села или изъ Петергофа и энергичное обращеніе его къ народу, бѣсновавшемуся на Сѣнной площади, а вслѣдъ за этимъ прибытіе изъ лагеря войскъ нѣсколько успокоило городъ.¹⁾ Послѣ этого народъ ограничился задерживаніемъ залодозрѣнныхъ имъ «отравщиковъ», которыхъ, не довѣряя полиціи, отводилъ въ ордонансгаузъ.

Я жилъ тогда рядомъ съ ордонансгаузомъ и видѣлъ множество несчастныхъ, задержанныхъ Богъ-вѣсть за что. Я видѣлъ, какъ толпы народа отводили ихъ туда избитыхъ и окровавленныхъ. Такимъ образомъ отведено и заарестовано было болѣе 700 человекъ всякаго званія, болѣею частию иностранцевъ и людей среднихъ классовъ. Назначена была, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, коммиссія. Она должна была разслѣдовать все дѣло и предать суду тѣхъ изъ арестованныхъ, которые оказались бы виновными въ возводимыхъ на нихъ преступленіяхъ.

Подобное возбужденное состояніе въ средѣ необразованныхъ классовъ, подозрѣніе въ отравленіи народа и послѣдствія его, уличные беспорядки, повторились почти во всей Европѣ во время холеры. Въ Петербургѣ это состояніе усложнилось и приняло определенную форму отъ случайнаго совпаденія эпидеміи съ польскимъ мятежемъ. Знаменитый медикъ, гражданскій генераль штабъ-докторъ С. О. Гаевскій, говорилъ мнѣ, что такое волненіе умовъ и расположеніе къ насиліямъ, по его мнѣнію, есть одно изъ отличительныхъ свойствъ господствующей въ холеру ауры (aura), наводящей на массы родъ временнаго умопомѣшательства. Кромѣ климатическихъ и гигиеническихъ условій, лучшимъ противудѣйствіемъ этой ауры служитъ распространенная въ народныхъ массахъ образованность. Въ подтвержденіе такого взгляда Гаевскій сослался на примѣры Англіи и Швеціи, гдѣ холера не вызвала беспорядковъ.

Приведу здѣсь одинъ извѣстный мнѣ фактъ, относящійся къ изученію сущности эпидеміи. Былъ въ Петербургѣ нѣкто баронъ Шабо (Chabot), пламенный почитатель доктрины Месмера. Онъ

¹⁾ Объ этой холерной смутѣ въ распоряженіи ред. «Русской Старины» есть нѣсколько интересныхъ разсказовъ очевидцевъ, между прочими, весьма обстоятельный разсказъ г. Фонтъ-деръ-Ховена, который мы напечатываемъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего изданія.

имѣлъ домъ на Англійской набережной и завелъ въ немъ сеансы животнаго магнетизма. Самъ дѣйствовалъ какъ магнетизеръ и заручился ясновидящей, которая ему и собиравшимся у него больнымъ и здоровымъ, рассказывала разные чудеса въ родѣ «1001-й ночи». Шабо былъ друженъ съ извѣстнымъ медикомъ (впослѣдствіи лейбъ-медикомъ), Н. О. Арендтомъ, который, кажется, былъ отчасти месмеристъ. Шабо вызвался вывѣдать чрезъ посредство своей ясновидящей, что такое холера и какъ ее лечить для того, что-бы результатъ сообщить доктору. Усыпивъ свою нимфу Эгерію, Шабо предложилъ ей означенный вопросъ, и ясновидящая отвѣчала слѣдующее:

«Триста или болѣе тому лѣтъ, въ восточной Индіи два враждующія съ собою племена дали другъ другу генеральное сраженіе; съ обѣихъ сторонъ было по 100,000 или болѣе воиновъ. Сраженіе продолжалось нѣсколько дней и послѣ того на полѣ битвы осталось огромное количество убитыхъ. Труповъ никто не хоронилъ; въ тамошнемъ жаркомъ климатѣ они скоро разложились и продукты гніенія человѣческихъ тѣлъ глубоко пропитали землю. Со временемъ, на приготовленной такимъ образомъ почвѣ, выросъ большой тропическій лѣсъ и въ немъ появилась, неизвѣстная до того, порода грибовъ. Мѣстные жители употребляли ихъ въ пищу и отъ нихъ заболѣвали также неизвѣстною болѣзнию. Это была холера-морбусъ и таково ея начало. Она сперва имѣла эндемическій характеръ, а затѣмъ, климатическія условія превратили ее въ эпидемическую».

Спрошенная о средствахъ противъ болѣзни, эгерія барона Шабо сказала, что самое дѣйствительное «есть употребленіе внутрь..... продукта пищеваренія, производимаго обыкновеннымъ зайцемъ». Тутъ она подробно предписала приемы лекарства. Все это, какъ важное для человѣчества открытіе, съ глубокою вѣрой и торжественностью было передано магнетизеромъ доктору.

Не знаю почему Арендту понадобилось легенду о холерѣ, рассказанную ясновидящею, имѣть написанною по-французски. Онъ вообще не мастеръ былъ писать и потому обратился къ моему семейству, съ которымъ онъ и его жена, парижанка, какъ и моя, были очень дружны. Онъ упросилъ молодую дочь моей жены, Софію (теперь графиню д'О***), хорошо писавшую на материнскомъ языкѣ, изложить рассказъ Шабо, говоря, быть мо-

жетъ нарочно, что намѣренъ представить его государю. Сдѣлалъ-ли это Арендтъ, не знаю; но мнѣ извѣстно, что предписанное сомнамбулою эксцентрическое, въ фармакопееи пропущенное лекарство, онъ пробовалъ давать больнымъ и, разумѣется, безъ всякаго успѣха.

Поражаемый страшнымъ моромъ народъ, несмотря на принятые мѣры, не переставалъ волноваться; и это при его невѣжествѣ было понятно. Но вотъ грустный фактъ: его нелѣпое убѣжденіе, что «Поляки отравляютъ», раздѣляли многіе изъ числа образованнаго и даже ученаго класса. Положеніе Поляковъ въ Петербургѣ было очень грустное: всѣ они были заподозрѣны. Они перестали бывать въ русскихъ домахъ, замѣтивъ, что инныя хозяйки, заваривая за общимъ столомъ чай, наблюдаютъ за ними и ставятъ подальше отъ нихъ сахарницу, сливки и печенья. Полякамъ небезопасно было ходить по улицамъ. Народъ зорко наблюдалъ за домами, гдѣ жилъ кто-нибудь изъ нихъ. Домъ, бывшій Мижуева, у Семеновскаго моста, гдѣ помѣщался статсъ-секретаріатъ царства и гдѣ жили министръ и почти всѣ чиновники, былъ предметомъ особеннаго надзора со стороны народной толпы; она, казалось, ждала только предлога, что-бы ворваться въ домъ и разомъ покончить съ «холерщиками». Министръ, графъ Грабовскій, запретилъ своимъ чиновникамъ показываться на улицахъ иначе какъ въ экипажѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока публикѣ не сталъ извѣстенъ результатъ дознаній, производимыхъ слѣдственной комиссіею о лицахъ, заарестованныхъ по подозрѣнію въ отравленіи народа. Наконецъ, во всѣхъ газетахъ появилось оффиціальное извѣщеніе, что изъ 700 и болѣе задержанныхъ лицъ, ни у одного не найдено никакого ядовитаго или вреднаго вещества, и что между ними не было ни одного Поляка.

О. А. Пржецлавскій.

Примѣчаніе. Преспимъ исправить опечатку въ первыхъ главахъ этихъ «Воспоминаній»: на стр. 452, строка 9-я снизу, напечатано: «Броньскимъ»,— читай: «Боржимовскимъ».

На стр. 453, строка 19-я снизу, напеч.: «Броньскій»,— читай: «Боржимовскій».

О. II.